Часть первая

Учебник-хрестоматия

ЛИТЕРАТУРА

9

класс

ДРОФА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данный учебник-хрестоматия для учащихся 9 класса входит в линию учебников, созданных по единой программе (5—11 классы), составленной Т. Ф. Курдюмовой, и завершает этап литературного образования школьников. Авторы-составители обращают внимание учащихся на вершинные произведения русской литературы, обобщая приобретенный девятиклассниками читательский опыт и раскрывая перед ними новые горизонты познания.

К учебнику-хрестоматии выпущены методические рекомендации для учителя.

- Литература. 9 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 1
  - Шедевры русской литературы
  - Древнерусская литература
    -
    - О древнерусской литературе
    - Дмитрий Сергеевич Лихачев. Золотое слово русской литературы
      -
      - Слово о полку Игореве. В сокращении
    - В. И. Стеллецкий. Причеть-моление Ярославны. Стихотворное переложение
      -
    - И. И. Козлов. Плач Ярославны. Вольное подражание
      -
  - Литература XVIII века
    -
    - О русской литературе XVIII века
    - О русском классицизме
    - Михаил Васильевич Ломоносов
      -
      - Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года. В сокращении
    - Гаврила Романович Державин
      -
      - Властителям и судиям
      - Памятник

- Денис Иванович Фонвизин
  -
  - Всеобщая придворная грамматика
    - Глава первая
  - Недоросль. Комедия в пяти действиях. В сокращении
    -
    - Действие первое
    - Действие второе
    - Действие третье
    - Действие четвертое
    - Действие пятое
- О русском сентиментализме
- Николай Михайлович Карамзин
  -
  - К соловью
  - История государства Российского. Царствование Иоанна Грозного. Фрагменты
  - Бедная Лиза. В сокращении
- Литература XIX века
  -
  - О русской литературе XIX века
  - Александр Сергеевич Грибоедов
    -
    - Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. В сокращении
      -
      - Действие I
      - Действие II
      - Действие III
      - Действие IV
  - О романтизме
  - Василий Андреевич Жуковский
    -
    - Светлана
  - Александр Сергеевич Пушкин
    -
    - Лирика
    - Храни меня, мой талисман…
    - Сожженное письмо
    - К Чаадаеву
    - К морю
    - Осень. Отрывок

- Пророк
- Если жизнь тебя обманет…
- Поэт
- Я памятник себе воздвиг нерукотворный…
- Евгений Онегин
  -
  - Глава первая. В сокращении
  - Глава вторая. В сокращении
- О реализме
- Михаил Юрьевич Лермонтов
  -
  - Ангел
  - Ужасная судьба отца и сына…
  - Поэт
  - Нет, я не Байрон, я другой…
  - Монолог
  - Нет, не тебя так пылко я люблю…
  - Три пальмы. Восточное сказание
  - Пленный рыцарь
  - На севере диком стоит одиноко…
  - Сон
  - Герой нашего времени. Фрагменты
    -
    - Журнал Печорина. Предисловие
    - I. Тамань
- Николай Васильевич Гоголь
  -
  - Мертвые души. Том первый. Фрагменты
- Федор Иванович Тютчев
  -
  - С чужой стороны. Из Гейне
  - Как сладко дремлет сад темно-зеленый…
  - Еще земли печален вид…
  - День и ночь
  - Эти бедные селенья…
  - Живым сочувствием привета…
  - Еще томлюсь тоской желаний…
  - Она сидела на полу…
  - В разлуке есть высокое значенье…
  - Умом Россию не понять…
  - Нам не дано предугадать…

- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Литература. 9 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 1 (Под редакцией Т. Ф. Курдюмовой)

Шедевры русской литературы

Учебная хрестоматия для 9 класса предлагает знакомство с шедеврами русской литературы начиная с древних времен и до наших дней.

Литературное образование – важная составная часть обучения, потому что любая профессия требует умения общаться с книгой. Художественная литература – это диалог автора и читателя, это такая форма общения, которая учит понимать других людей и помогает воспитать в себе способность со-участия, со-переживания, со-размышления… Овладеть этим непросто.

Восприятие мира субъективно. Писатель, композитор, художник предлагают человеку свое видение мира, свое толкование того, что они, изображая, преобразили. Неисчерпаемое богатство мыслей, чувств и ощущений, которые порождены окружающим миром, ставит художника перед выбором, и каждый осуществляет его самостоятельно. Прочтите, как увидел В. В. Вересаев в «Записях для себя» этот удивительный

процесс.

«Вот перед окнами вашего кабинета – церковка. Зашел к вам художник, увидел ее. „Какая замечательная церковь! Подлинная русская церковь! Как чувствуется в ней глубокое смирение русского народа, его просветленно-христианская примиренность с горькою своею судьбою! Это нужно зарисовать!“ Вы смотрите на его картину: верно! Как на ладони вся христианская душа долготерпеливого русского народа.

Зашел потом другой художник. „Какая характерная церковь! Как тут отражено глубочайшее, в сущности, равнодушие русского народа ко всем небесным делам! В готике – какой там могучий порыв к небу, все устремление – высоко вверх, к Богу! А посмотрите на эти купола: широкие, как репа, основания и тоненькие хвостики к небу. Там, дескать, нам делать нечего. Тут нужно устраивать жизнь, на земле!.. Это нужно зарисовать!“ Зарисовал, и вы видите: действительно, жизнь следует устраивать на земле.

Третий художник пришел. „Какое великолепие! Посмотрите на эти фиолетовые тона, как они играют на золоте куполов!.. Нет, это нужно зарисовать!“

Вам тогда приходит мысль: по-видимому, правда, церковка моя замечательная. Нужно сфотографировать. Сфотографировали. И – ничего! Ни христианского долготерпения, ни пренебрежения к небу, ни красивой игры фиолетовых тонов. Все это от себя внесли художники, каждый из них заставил нас взглянуть на явление его глазами».

Произведения искусства тем и хороши, что предлагают читателю свой и часто неожиданный взгляд на то, что изображено, и этот взгляд помогает нам увидеть многое, что мы сами, может быть, и не увидели бы. Читатель тоже осуществляет свой выбор.

Обилие имен и произведений программы 9 класса делает трудным читательский выбор. В этом случае стоит прислушаться к словам философа Ивана Александровича Ильина о читателе. «Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать. Поймут ли? Увидят ли то, что любило его сердце? И кто будет его читатель? И прежде всего – состоится ли у него духовная встреча с теми далекими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?

Дело в том, что далеко не все читающие владеют искусством чтения: глаза бегают по буквам, „из букв вечно выходит какое-нибудь слово“ (Гоголь) и всякое слово что-нибудь да „значит“; слова и их значения связываются друг с другом, и читатель представляет себе что-то „подержанное“, расплывчатое, иногда

непонятное, иногда приятно-мимолетное, что быстро уносится в позабытое прошлое… И это называется „чтением“. Механизм без духа.

Безответственная забава. „Невинное“ развлечение. А на самом деле – культура верхоглядства и поток пошлости.

Такого „чтения“ ни один писатель себе не желает. Таких „читателей“ мы все опасаемся. Ибо настоящее чтение происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл…

Читать – значит искать и находить, ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей полноте и присвоить его себе. Это есть творческий процесс, ибо воспроизводить – значит творить…

Искусство чтения надо приобретать и вырабатывать в себе. Чтение должно быть углублено: оно должно стать творческим и созерцательным. И только тогда нам всем откроется его духовная ценность и его душеобразующая сила. Тогда мы поймем, что следует читать и чего читать не стоит: ибо есть чтение, углубляющее душу человека и строящее его характер, а есть чтение разлагающее и обессиливающее.

По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что́ он читает, и каждый человек есть то, каќ он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов…» Можно поспорить с позицией И. А. Ильина. Такой диалог только побуждает к действию. Диалог о чтении может заставить прочитать новые книги, задуматься об уже прочитанном произведении, подскажет аргументы при оценке художественного текста, возможно, даст ответы на вопросы, которые волнуют.

Авторы учебной хрестоматии тоже надеются на творческий диалог с девятиклассниками, который поможет в формировании читательской культуры.

Вопросы и задания

1. Прав ли Ян Амос Коменский, великий педагог XVII века, утверждая, что «…немыслим толковый читатель, который не был бы в то же время Отбиратель»? Как вы понимаете слово «Отбиратель» в этом афоризме? Почему, как вы думаете, автор написал слово «Отбиратель» с большой буквы?

2. «Для многих, многих книги так же нужны, как хлеб и соль. И так будет, сколько бы ни изобретали замысловатых кассет, и телевизоров, и других заменителей. В человеческом мозгу

хранятся книжные сокровища, которые не умрут. Они все там – „Одиссея“ и „Божественная комедия“, „Война и мир“ и „Дэвид Копперфильд“». Согласны ли вы с этим суждением Астрид Линдгрен? Какие книги вы бы внесли в этот список?

3. «Добрые люди не знают, сколько времени и усилий стоило иному, чтобы научиться читать. Я потратил на это восемьдесят лет и еще сейчас не могу сказать, что достиг цели», – сказал Гёте незадолго до смерти. Как вы объясните такое признание великого писателя?

4. «Читатель – составная часть искусства», – утверждал Алексей Толстой в статье «О читателе». Как можно подтвердить эти слова?

5. Как вы понимаете слова Роберта Стивенсона: «Литература во всех ее видах – не что иное, как тень доброй беседы»?

6. После смерти В. Г. Белинского И. С. Тургенев приобрел библиотеку великого критика не только потому, что хотел помочь его вдове, – он хотел сберечь круг заветных друзей Белинского – его книги. Сейчас они хранятся в музее Тургенева в Спасском-Лутовинове. Если будете в этом музее, обратите внимание на корешки книг с золотыми буквами «В. Б.». Есть ли у вас личная библиотека? Как она создавалась? Напишите свои размышления на тему «Моя библиотека».

7. Согласны ли вы с таким утверждением: «Все, чем должен владеть писатель, обязательно и для читателя художественной литературы. Все, кроме одного: дара воплощения»?

8. Как вы представляете себе дар воплощения у иллюстраторов художественных произведений? Каких иллюстраторов вы могли бы назвать?

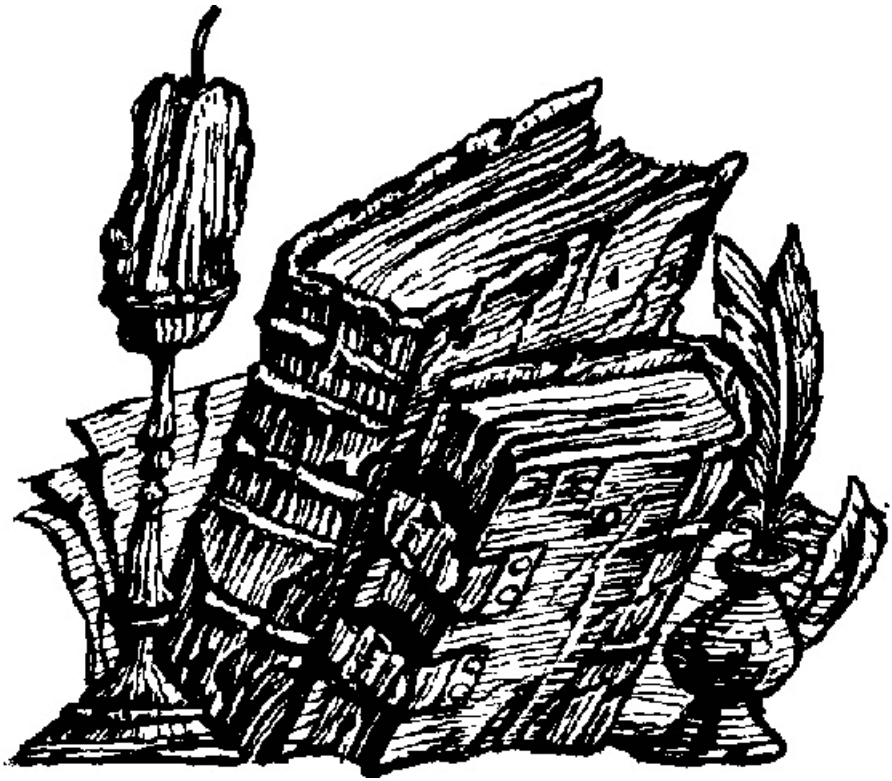
9. Можно ли согласиться с тем, что «произведение художника необходимо нам именно потому, что оно есть ответ на наши вопросы: наши, ибо художник не ставил их себе и не мог их предвидеть… каждый новый читатель „Гамлета“ есть как бы его новый автор, каждое новое поколение есть новая страница в истории художественного произведения»?

10. Разделяете ли вы отношение крупнейшего книговеда Н. А. Рубакина к читателю: «История литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история читателей этих произведений»?

Древнерусская литература

Слово о полку Игореве.

О древнерусской литературе



Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Ее начало восходит ко второй половине X века. Из тысячелетней истории отечественной словесности более семисот лет принадлежит **древней русской литературе.**

Возникновение литературы на Руси во многом связано с принятием христианства, с потребностью в церковных книгах, поэтому литературные произведения этого периода по содержанию и по форме были преимущественно религиозно-поучительными. Основой для древней оригинальной русской литературы послужила литература византийская.

К числу переводных памятников на Руси принадлежит **апокрифи́ческая литература.** В буквальном переводе с греческого слово «апокрифический» означает «тайный», «сокровенный». Апокрифы представляли собой легендарно-религиозные произведения, не признанные церковью священными, поскольку в трактовках канонических библейских сюжетов допускались определенные вольности. Среди

апокрифических персонажей выделяется царь Израильско-иудейского государства Соломон (апокриф о Соломоне и Китофрасе, суды Соломона). Он показан умным и мудрым человеком, подтверждающим своими действиями сказанное о нем в Библии: «И дал Бог Соломону мудрость, и весьма великий разум и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян».

Очень популярным на Руси на протяжении многих веков был апокриф «Хождение Богородицы по мукам». В тексте говорится о том, как архангел Михаил, исполняя желание Богородицы, показывает ей муки грешников в аду. Зрелище неисчислимых страданий побуждает Богородицу обратиться к Михаилу с просьбой пустить ее мучиться вместе с христианами, потому что они зовутся чадами сына ее. Но архангел в ответ на это произносит: «Почивай в раи». Богородица вновь и вновь обращается ко всем силам небесным, умоляет их вступиться за грешников и укоряет за равнодушие. И на этот раз Бог умилосердился «сына ради своего единородного» и велел ему сойти с невидимого престола, чтобы услышать мольбу святых и явить лицо свое грешникам. И сошел Христос с престола, и грешники, увидев его, возопили единым голосом о своем помиловании. Христос напоминает им о сошествии своем на землю для освобождения людей от первородного греха и дает им полный покой днем и ночью от великого четверга до пятидесятницы (около двух месяцев). И ответили все: «Слава милосердию твоему».

Наибольшей популярностью пользовалась **литература жити́йная,** или **агиографи́ческая** (от греч. hágios – святой, grapho – пишу). Жития представляли собой жизнеописания государственных и религиозных деятелей, кого церковь признавала святыми, т. е. чьи имена были канонизированы. По своему характеру жития были назидательны и благодаря несложному сюжету легко воспринимались читателями. Автор жития давал такой образ святого, который примером своей жизни утверждал истинность основных положений христианского вероучения.

Например, «Сказание о Борисе и Глебе» повествует о братьях-мучениках, первыми причисленных Русской православной церковью к лику святых. Сюжет об идеальной братской любви, верности долгу и Русской земле был очень популярен, так как Русь этой эпохи сотрясали постоянные княжеские междуусобицы.

Автором жития Бориса и Глеба был монах Киево-Печерского монастыря преподобный Нестор. Ему же принадлежит еще одно

жизнеописание – Феодосия Печерского. Образ святого получился очень живым и ярким. «Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах». «Житие Феодосия Печерского» – это художественное изображение жизни, со страниц этого памятника смотрят на нас словно живые лица той далекой эпохи, в нем раскрываются патриотические раздумья автора о судьбах его родной земли.

Одним из древнейших жанров русской литературы была **летопись.** Летопись – это «писание по летам», т. е. годам. Метод составления летописи заключался в том, что отдельные лица, в большинстве принадлежавшие к княжеско-боярской или монастырской среде, записывали те или иные события, свидетелями которых они были или что-либо о них слышали.

В 1110 году Нестор закончил работу над летописным сводом «Повесть временны́х лет». Летописец поставил перед собой задачу: выяснение вопроса о происхождении русского народа и Русского государства. Однако он расширил повествование и сумел связать историю русского народа с историей всего человечества.

Древняя русская летопись не исчерпывается только записью событий, она включает поучительные и поэтические элементы, почерпнутые как из устных, так и из письменных источников. Так, в «Повесть временных лет» было включено «Поучение Владимира Мономаха» – своего рода духовное завещание великого киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха своим детям.

Владимир Мономах был выдающейся личностью своего времени. Во время его правления были достигнуты заметные успехи, обеспечившие процветание Древнерусского государства. Славу и уважение современников заслужил князь неустанной борьбой с половцами: по словам летописца, он «много утер пота за землю Русскую».

Спокойно и мудро звучат наставления Мономаха, он обращается не только к своим детям, но ко всему молодому поколению, пытаясь предостеречь его от нравственных и политических ошибок.

Вопросы и задания

▶1. Что способствовало возникновению литературы на Руси и как это отразилось на ее содержании?

▶▶1. Какие особенности летописей вы можете выделить?

2. Можете ли вы назвать отличительные черты жанра «поучение»?

▶▶▶1. Как трактуется в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» библейский сюжет о сошествии Христа на землю и принятии им мук за грехи людские?

2. Попробуйте доказать, опираясь на приведенный отрывок из текста «Жития Феодосия Печерского», что перед вами художественное изображение святого.

Дмитрий Сергеевич Лихачев. *Золотое слово русской литературы*

Около восьми веков назад, в 1177 году, было создано «Слово о полку Игореве» – гениальное произведение древней русской литературы. Протекшие столетия не приглушили его поэтического звучания и не стерли красок. Интерес к «Слову о полку Игореве» не только не уменьшился, но становится все более и более широким, все более и более глубоким. Почему же так долговечно это произведение, столь небольшое по своим размерам? Почему идеи «Слова» продолжают волновать нас?

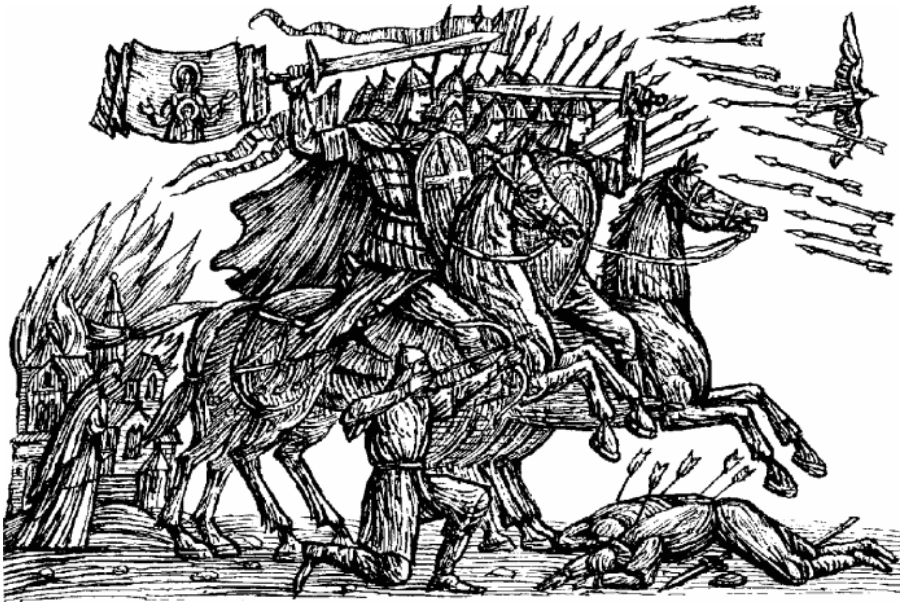
Любовь к родине вдохновляла автора «Слова о полку Игореве». Она как бы водила его пером. Она же сделала его произведение бессмертным – равно понятным и близким всем людям, подлинно любящим свою родину, свой народ.

«Слово о полку Игореве» проникнуто большим человеческим чувством – теплым, нежным и сильным чувством любви к родине. «Слово» буквально напоено им. Это чувство сказывается и в том душевном волнении, с которым автор «Слова» говорит о поражении войск Игоря, и в том, как он передает слова плача русских жен по убитым воинам, и в широкой картине русской природы, и в радости по поводу возвращения Игоря.

Значение «Слова» особенно велико для нас еще и потому, что оно является живым и непререкаемым свидетельством высоты древнерусской культуры, ее самобытности и ее народности.

Этот памятник вечно свеж. Каждая эпоха находит в нем новое и свое. Это предназначение подлинных произведений искусства: они говорят новое новому, и они всегда современны.

Слово о полку Игореве. ***В сокращении*** **(*Перевод Д. Лихачева*)**



Пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Пусть начнется же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Ибо Боян вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волко́м по земле,
сизым орлом под облаками.
Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Реде́дю пред полками каsóжскими,
красному Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.
Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих,
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь-князь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
сядем же, братья,
на борзых коней
да посмотрим
на синий Дон».
Ум князя уступил
желанию,
и охота увидать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, – сказал, – копье преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.
Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие —
стаи галок бегут
к Дону великому».
Или так бы начать тебе петь,

вещий Боян,
Велесов внук:
«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле!»
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!
Оба мы – Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзы́х коней,
а мои-то готовы,
еще раньше оседланы у Курска.
А мои-то куряне – опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
взбился див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться – земле незнаемой,
Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!
И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:

кричат телеги в полу́ночи,
словно лебеди вспугнутые.

А Игорь к Дону воинов ведет!
Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;
волки угрозу вздымают
по оврагам;
орлы клектом на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червленными щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю – славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассеявшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими узорочьями половецкими.
Червлен стяг,
белая хоругвь,
червлена челка,
серебряно древко —
храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
Не было оно в обиду порождено
ни соколу,

ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половец!
Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!

О Русская земля! уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Незыблем ты в самой передней обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим златым шлемом посвечивая, —
там лежат поганые головы половецкие.
Расщеплены саблями каленными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь,
и богатство,

и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой, желанной прекрасной Глебовны
свычаи и обычаи?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в золотое стремя в граде Тмуторокани,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела
и на Канину зеленое погребальное покрывало
постлала
за обиду Олега,
храброго и молодого князя.
С той же Каялы Святополк полелеял отца своего
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и разрасталось усобицами,
погибало достояние Даждьбожа внука;
в княжеских крамолах жизни людям сокращались.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны граяли,
трупы между собой деля,
а галки по-своему переговаривались,
собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копья булатные
в поле незнаемом,
среди земли Половецкой.
Черная земля под копытами костьми была засеяна
и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —
издалека рано пред зорями?
Игорь полки поворачивает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина недостало;
тут пир докончили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а дерево с горем к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Даждьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
восплескала лебедиными крыльями
на синем море у Дона;
плескаясь, прогнала времена обилия.
Борьба князей против поганых прервалась,
ибо сказали брат брату:
«Это мое, и то мое же».
И стали князья про малое
«это великое» молвить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, – к морю!
А Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Карпа, и Желя
поскакала по Русской земле,
горе людям мыкая в пламенном роге.
Жены русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а злата и сребра совсем не погладить».

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.
Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий киевский —
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от Лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь, исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и моравы
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы —
реки половецкой, —
просыпав русского золота.
Тут Игорь-князь пересел из седла золотого
в седло рабское.
Приуныли у городов забралы,
а веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевали меня, – говорит, —
черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпали мне синее вино,

с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предгардье стоял лес Кияни,
и понеслись они, вороны, к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого
добыть города Тмутороканя
или испить шлемом Дона.
Уже соколам крыльца подсекли
сабли поганых,
а самих опутали
в пути железные».
Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли,
и с ними два молодых месяца —
Олег и Святослав —
тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла —
по Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, остались без веселья!

Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,

со слезами смешанное,
и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.
Но без чести для себя вы одолели,
без чести для себя кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в смелости закалены.
Это ли сотворили вы моей серебряной седине?
А я не вижу уже могущества
сильного,
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татранами,
и с шельбирами,
и с топчаками,
и с ревугами,
и с ольберами.
Те ведь без щитов, с засапожными ножами,
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.
Но сказали вы: „Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!“
А разве дивно, братья, старому помолодеть?
Когда сокол в линьке бывает,
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло – князья мне не пособляют:
худо времена обернулись.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
и Владимир – под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
Неужели и мыслию тебе не прилететь издалека
отчий златой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,

а Дон шлемами вылить!
Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногате,
а раб по резани.
Ты ведь можешь посуху
живыми копьями стрелять —
удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
золочеными шлемами в крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыскает, как туры,
раненные саблями калеными
на поле незнаемом?
Вступите же, господа, в золотые стремена
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича! <…>
О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским;
теперь же встали стяги Рюриковы,
а другие – Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!
На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует:
«Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?
Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе было под облаками веять,

лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале,
приговаривая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю Бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.

А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.
Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.
Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».
Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернядями на ветрах».

Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.
То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.

Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке,
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими золочеными стрелами».
Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
то опутаем мы соколенка
красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, —
а Игорь-князь в Русской земле;
де́вицы поют на Дунае, —
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь идет по Боричеву
ко святой Богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.
Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:
«Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

Вопросы и задания

▸1. Почему, на ваш взгляд, «Слово о полку Игореве» ряд исследователей относят к воинским повестям? Ответ обоснуйте.

2. Что явилось главным для автора – повествование о походе Игоря или лирический отклик на него? Какое начало – эпическое или лирическое преобладает в «Слове…»? Определите и докажите, к какому литературному роду относится произведение.

▸▸1. Найдите в тексте характерные для народной поэзии сравнения и уподобления героев (Ярославны, Игоря, Всеволода и других) различным животным и птицам. В чем вы видите смысл этих сопоставлений? Ответ обоснуйте.

2. Приведите примеры поэтических приемов и образных средств, присущих устному народному творчеству (фольклорные эпитеты, метафоры, гиперболы, олицетворения, повторы).

3. Какую роль играют образы природы в «Слове о полку Игореве»? Почему солнце прикрывает тьмой воинов Игоря? Вспомните обращение Ярославны к солнцу. Связаны ли эти два эпизода? Приведите еще примеры.

▸▸▸1. Каким вам представляется автор «Слова о полку Игореве»? Подтвердите свое впечатление текстом.

2. Какое значение имеет образ певца-поэта Бояна? Прочитав вступительные слова Д. С. Лихачева, сделайте вывод, чем отличается авторское повествование от повествования Бояна.

3. Составьте план ответа на тему: «Образы князей в „Слове о полку Игореве“». (Каким рисует автор «Слова…» Игоря? Каково его отношение к другим князьям? К чему призывает всех русских князей автор «Слова о полку Игореве»?)

4. По определению литературоведа А. С. Орлова, героем «Слова о полку Игореве» является не какой-нибудь из князей, а вся Русская земля. Как вы понимаете эту мысль? Какая единая мысль и настроенность пронизывает все произведение? Какую очень важную для своего времени идею выразил автор «Слова о полку Игореве»?

В. И. Стеллецкий. *Причеть-моление Ярославны. Стихотворное переложение*

На Дунае голос Ярославны слышен,
На заре кукушкой одинокой кличет.

«Полечу кукушкой, – молвит, – по Дунаю,
Свой рукав шелко́вый омочу в Каяле,
Оботру кровавые, горюя, раны
На могучем теле лады-князя».

Ярославна на стене Путивля-града
Спозаранок плачет, причитая:

«Ветер, господин мой!
Для чего ты встречной силой веешь?
Для чего несешь на легких крыльях
Вражеские стрелы
На полки супруга-лады,
Или тебе мало в вышине под облаками веять,
Корабли лелеять в синем море?
Для чего же, господин, мое веселие
Ты в степи по ковыль-траве развеял?»

Ярославна на ограде города Путивля
Утром рано плачет, причитая:

«Днепр Словутич!
Средь степи великой, половецкой,
Ты пробил волна́ми каменные горы,
Ты ладьи лелеял Святослава
До полков Кобя́ка,
Прилелей ко мне ты ладу, господин мой,
Чтоб не слать к нему мне слез на море рано!»

На стене Путивля-града Ярославна
Спозаранок плачет, причитая:

«Солнце светлое, тресветлое ты, Солнце!
Всем тепло ты, ты для всех прекрасно!
Для чего же знойные лучи послало,

Господин мой,
Ты на воинов супруга-лады
И в степи безводной, половецкой,
Луки ты им жаждою свело
И колчаны горестью замкнуло?»

И. И. Козлов. *Плач Ярославны. Вольное подражание*

Княгине З. А. Волконской

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:
«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«Ветер, ветер, о могучий!
Буйный ветер, что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли?
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли,
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил.
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод, —
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«О река! отдай мне друга —
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что́ сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

Вопросы и задания

1. Почему Ярославна трижды обращается к разным силам природы?

1. Найдите в плаче Ярославны характерные для народной поэзии черты. Сравните текст «Слова…» и его литературные переложения. Объясните значение фольклорных символов, возникающих в словах Ярославны.

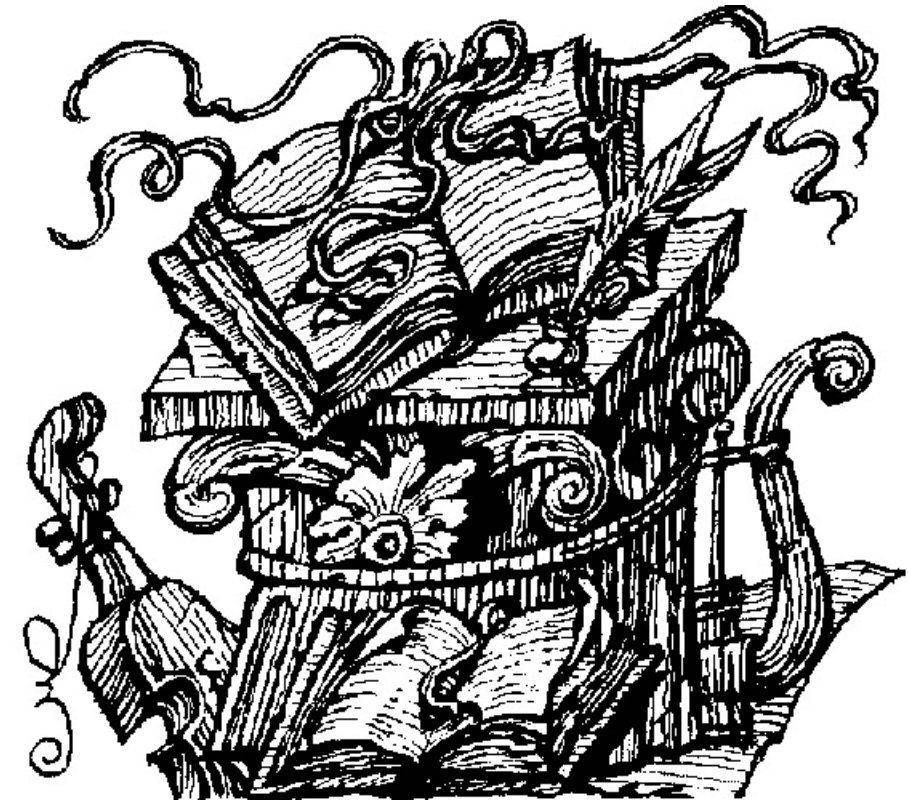
▶▶▶1. Прочитайте переложения плача Ярославны В. И. Стеллецкого и И. И. Козлова. Чем отличаются эти тексты и что в них общего?

2. Какой образ стремились создать поэты?

Литература XVIII века

М. В. Ломоносов. Г. Р. Державин. Д. И. Фонвизин. Н. М. Карамзин.

О русской литературе XVIII века



«Осьмнадцатое столетие». Такое название дал своему стихотворению Александр Николаевич Радищев, выдающийся писатель-мыслитель, несгибаемый обличитель деспотизма, автор знаменитой книги «Путешествие из Петербурга в Москву», за публикацию которой поплатился длительной ссылкой в Сибирь. В 1801–1802 годах он в поэтической форме подводил итоги ушедшего века.

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех.
……
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек…

Противоречивая на первый взгляд оценка итогов прошедшего века объясняется противоречиями самой российской

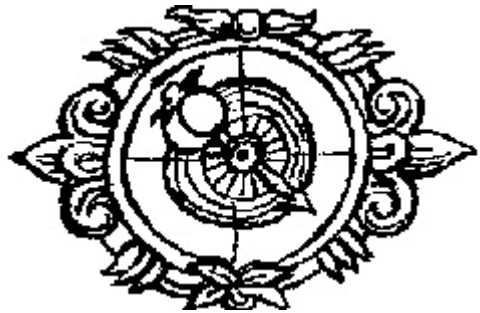
действительности той эпохи. Это был век созидания, торжества Просвещения, расцвета культуры, свободного человеческого разума и одновременно век разрушения, крови, восстаний, непримиримых противостояний. В XVIII столетии в России созданы выдающиеся произведения, истинные шедевры литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, достигнуты крупные успехи в науке и технике.

Оценивая минувший век, Радищев отдавал должное Петру I и своей гонительнице Екатерине II, хотя был противником самодержавия и политики императрицы.

> Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
> Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
> Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
> Зрите на новый вы век, зрите Россию свою…

Итак, что же внес век восемнадцатый в историю отечественной культуры.

О русском классицизме



В тридцатые годы XVIII века основным направлением в русском искусстве становится классицизм. Его крупнейшими представителями в литературе были А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, Г. Р. Державин, в живописи – А. П. Лосенко, Д. Г. Левицкий, в архитектуре – В. И. Баженов, М. Ф. Казаков. Что же их объединяло, какие задачи они ставили перед своим творчеством?

Слово «классицизм» образовано от латинского classicus, что значит «образцовый». В XVIII веке образцовыми считались произведения античного искусства, и классицисты стали обращаться к античности. Это выражалось в использовании писателями и художниками античных сюжетов и образов, элементов греческой и римской мифологии.

Следуя традициям древних авторов, а также европейских классицистов, русские писатели утверждали в своих произведениях идеи просвещенного абсолютизма, патриотизма, гражданственности, воспитания истинных сынов Отечества. Развитие этих идей вы увидите, читая оды Ломоносова и Державина. Однако наряду с восхвалением русские писатели позволяли себе высказывать критическое отношение к абсолютной монархии, обличать тиранию и произвол, попрание законов государства. Это способствовало развитию сатирической направленности русского классицизма.

Конфликты произведений классицизма всегда строились на столкновении долга, разума и чувства, и решались они в пользу долга, утверждения приоритета обязанностей перед государством, законами, нравственными нормами.

Классицисты строго следовали делению литературных жанров на высокие и низкие. К высоким относились ода, трагедия, героическая поэма, к низким – сатира, комедия, басня.

О строгом разграничении жанров писал поэт-классицист А. П. Сумароков:

Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом[1]…

Герои произведений классицизма обычно имели какую-то преобладающую черту характера, делились на исключительно положительных или отрицательных.

Одной из важнейших композиционных особенностей драматического произведения было соблюдение единства места, времени и действия.

Такие общие правила классицизма, которых придерживались и западноевропейские, и русские писатели, основывались на требовании простоты, стройности и логичности.

Однако **русский классицизм имел ряд национальных особенностей** – это повышенный интерес художников слова к историческому прошлому страны, интерес к фольклору, перенесение акцента с идей абсолютной монархии на идею просвещенного абсолютизма, развитие сатирического направления. Отсюда возникли новые в истории классицизма антидеспотические и тираноборческие идеи, выразившиеся в обличении пороков людей, наделенных властью, и проявлении внимания к судьбе простого русского человека, крепостного крестьянина.

Выдающимися представителями русского классицизма, его основателями являются А. Д. Кантемир и А. П. Сумароков.

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744). Как поэт, Кантемир работал в самых различных жанрах, но главным из них была **сатира,** то есть развернутое стихотворение обличительного характера. В первой сатире «На хулящих учение (К уму своему)» показана целая галерея образов невежд. Здесь и ханжа Критон, и ворчливый помещик Силван, пьяница и гуляка Лука, щеголь Медор, даже представитель высшего духовенства – епископ. Всех их объединяет ненависть к науке, просвещению: у каждого свои основания «хулить» (ругать) учение. Критон, например, считает, что Расколы и ереси науки суть дети;

Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает…

Святоше вторит помещик, также не видящий от науки никакой практической пользы:

Землю в четверти делить без Евклида смыслим;
Сколько копеек в рубле – без алгебры счислим.

Автор едко высмеивает защитников допетровской старины, показывает враждебность их русскому обществу. Вместе с тем он горестно замечает:

Гордость, леность, богатство – мудрость одолело.
……
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита…

Александр Петрович Сумароков (1717–1777) – теоретик и выдающийся представитель русского классицизма. Литературную деятельность начал с двух од, посвященных императрице Анне Иоанновне. Работал он с исключительной активностью и создал произведения практически всех жанров классицизма: трагедии, комедии, оды торжественные и духовные, песни, элегии, сатиры, басни, эпистолы (послания), эпиграммы.

В 1748 году Сумароков создал две эпистолы – «О стихотворстве» и «О русском языке», в которых были сформулированы правила русского классицизма.

Как талантливый и плодовитый драматург Сумароков стоял у истоков русского театра. В 1771 году он пишет трагедию «Димитрий Самозванец», в которой резко осуждает тиранию и проводит мысль о праве подданных (разумеется, он имел в виду дворян) на восстание против деспотического монарха. С подмостков театра прозвучало пожелание свергнуть с престола царя-тирана, «Москвы, России врага и подданных мучителя». По мнению автора, Димитрий был низложен не потому, что он самозванец, а потому – что тиран.

Шуйский.

Димитрия на трон взвела его порода.

Пармен.

Когда владети нет достоинства его,
Во случае таком порода ничего.

Пускай Отрепьев он, но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана.

В соответствии с законами классицизма Сумароков создал прямолинейный, нарисованный исключительно черными красками образ изверга на троне.

Сей муж отечества смертельная был рана.
Зрим в образе его убийцу и тирана.
За варварство злодей утратил наконец
Безвременно и жизнь, и скипетр, и венец.

Не менее прямые характеристики дает себе и сам Димитрий.

Я к ужасу привык, злодейством разъярен,
Наполнен варварством и кровью обагрен.

Вопросы и задания

1. Какие вопросы поднимал в своих произведениях А. Д. Кантемир?
2. За какие идеалы ратовал А. П. Сумароков?

1. Почему А. Н. Радищев называет «осьмнадцатое столетие» одновременно безумным и мудрым?
2. Охарактеризуйте классицизм как литературное направление. Назовите черты русского классицизма.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765)

Юноши с особенным вниманием и особенной любовью должны изучать его жизнь, носить в душе своей его величавый образ.

В. Г. Белинский

Михаил Васильевич Ломоносов родился на Севере России, в деревне Мишанинской Холмогорского уезда Архангельской области, в семье крестьянина, занимавшегося морским промыслом. Благодаря физической силе, бесстрашию Михаил стал отличным рыбаком, дельным помощником отцу. Однако с раннего возраста мальчик пристрастился к книгам, это повлияло на его решение отправиться учиться в Москву. В 1730 году, скрыв крестьянское происхождение и выдав себя за холмогорского дворянина, Ломоносов поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Через шесть лет в числе лучших он был послан в Петербургский университет, и уже осенью 1736 года его отправляют на учебу в Германию, в Марбургский университет. В 1739 году вместе с другими русскими студентами переезжает во Фрейберг для углубленного постижения основ металлургии.

В 1741 году Ломоносов вернулся в Петербург и был зачислен в штат Академии наук адъюнктом физического класса, а в 1745 году он становится профессором. Двадцать три года работал Ломоносов в академии, закладывая основы отечественной науки. Он занимался одновременно многими научными дисциплинами, его энциклопедизм поразителен. Так, занимаясь лингвистикой, Ломоносов разработал первую научную «Российскую грамматику», как общественный деятель и просветитель, добился открытия в Москве первого русского университета.

Значителен вклад М. В. Ломоносова в развитие литературы. Первые стихотворения написаны были еще в годы его учения в Славяно-греко-латинской академии в качестве практических заданий. Начало же литературной деятельности следует отнести к 1739 году – создание «Оды на взятие Хотина». С тех пор ведущим жанром творчества Ломоносова стала ода. Им также разработаны жанры научной поэзии («Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», «Письмо о пользе стекла»). В стихотворении «Разговор с

Анакреоном», подводя итог творчеству, поэт объявляет себя сторонником героической тематики в литературе.

М. В. Ломоносов вошел в историю литературы как реформатор русского стихосложения. В **«Письме о правилах российского стихотворства»** он говорит о силлаботонической системе сложения стихов. Опираясь, в частности, на стиховедческие работы Василия Кирилловича Тредиаковского, Ломоносов предложил использовать определенные стопы и дал им наименования. Первый род стихов он назвал ямбическим, второй – анапестическим, третий смешан из ямбов и анапестов произвольно, четвертый – хореический, пятый – дактилический, шестой смешан из хореев и дактилей. Ломоносов, опираясь на разнообразие ударных слогов в русском языке, выступает за чередование мужской и женской рифм: «Российские стихи красно и свойственно на мужские и женские и три литеры гласные в себе имеющие рифмы… могут кончиться». В торжественных одах поэт рекомендует употреблять «чистые ямбические стихи». В своей поэтической практике Ломоносов использовал четырехстопный ямб, ставший в дальнейшем надолго самым распространенным размером в русской поэзии.

Чтобы оценить наглядно успехи Ломоносова в области стихосложения, нужно сопоставить его стихи со стихами его ближайших предшественников или современников. Вот, к примеру, как по-разному в 1742 году изображали победу русской гребной флотилии над шведской парусной эскадрой Михаил Собакин и Михаил Ломоносов:

Ломоносов

Твой флот российский в понт дерзает,
Так роет он поверьх валов;
Надменно дерзость уступает,
Стеня от тягости судов.
Вослед за скорыми кормами

Бежит кипяща пена рвами.
Весельный шум, гребущих крик
Наносят готам страх велик;
Уже надежду отвергает
И в мгле свой флот и стыд скрывает.

Собакин

Он отчаен взад бежит, а куды не знает.
По несчастью своему в воду попадает,

Но как по природе льву трудно плыть водою,
То находится стеснен лютою бедою.

Ломоносову принадлежит **теория «трех штилей»,** изложенная им в предисловии к трактату «О пользе книг церковных». В зависимости от употребления трех родов лексики русского языка рождаются три стиля: высокий, низкий, средний. Высокий характеризуется употреблением в произведениях, речах старославянской лексики. В таком стиле Ломоносов рекомендует писать оды, героические поэмы, «речи о важных материях». Такие заимствования из книг церковных отличают русский язык от языков европейских.

Средний стиль состоит по преимуществу из слов и выражений, широко используемых в современном языке (с ограниченным употреблением церковно-славянской лексики, а также слов низких). Таким стилем создаются все театральные сочинения, стихотворные дружеские послания, сатиры и элегии, в прозе – описания «достопамятных дел и благородных учений».

Низким стилем пристойно писать, по мнению Ломоносова, комедии, увеселительные эпиграммы, песни, дружеские письма. Здесь могут быть использованы простонародные низкие слова.

Определяя значение художественного творчества Ломоносова, современный исследователь литературы XVIII века В. И. Федоров подчеркнул: «Ломоносов был одним из первых теоретиков классицизма, а в его поэзии наиболее полно нашли свое отражение эстетические поиски и эстетический идеал русского классицизма общенационального направления».

Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года. *В сокращении*

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина[2],
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы[3] на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,

Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая́[4].

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя, приняв, облобызала:
«Мне полно тех побед, – сказала, —
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый Запад и Восток».
……

Молчите, пламенные звуки[5],
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами,
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни:
Послал в Россию Человека,
Каков не слыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,

С собой возвысил до небес.
……

Но, ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив[6] рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски[7] восстенали,
И музы воплем провожали
В небесну дверь пресветлый дух.
В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь,
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана[8] постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
С толикой горести Парнас?
О, коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все хо́лмы покрывают лики,
В долинах раздаются клики:
«Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь».

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает

Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава,
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет:
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Когда сокровища открыл,
Какими хвалится Инди́я, —
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук
Сие злату́ очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.
……

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих, —
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов[9]
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,

В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Вопросы и задания

▶1. Как вы думаете, почему ода стала одним из главных жанров литературного творчества М. В. Ломоносова?

2. Какова, по-вашему, главная, ведущая тема «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года»? Как с ней связаны другие, казалось бы, свободно развивающиеся темы?

3. Какова роль заключения в оде? Как оно связано с основной темой?

4. Какое отношение выразил Ломоносов к Петру I? Какие художественные приемы, свойственные классицизму, использованы в обрисовке Петра? Как они воздействуют на восприятие читателя?

5. Как изображена в оде Россия? Что привлекает внимание поэта? Какие эпитеты и сравнения использует он, чтобы воссоздать образ Родины?

▶▶1. Каким стилем написана ода? Какова роль этого стиля в раскрытии идейно-художественного содержания оды?

2. Какую роль сыграла теория «трех штилей» в развитии русской словесности?

▶▶▶1. Попробуйте охарактеризовать образ императрицы, созданный Ломоносовым в оде. Сопоставьте его с изображением Елизаветы на известных вам портретах русских художников XVIII века.

2. Что же, по мнению автора, необходимо, чтобы Родина стала действительно процветающей, а народ жил в довольстве и благополучии?

3. Какие новшества внес Ломоносов в русское стихосложение?

Гаврила Романович Державин (1743–1816)

Ум и сердце человечье
Были гением моим.

Г. Р. Державин

С Державина начинается новый период русской поэзии, и как Ломоносов был первым ее именем, так Державин был вторым. В лице Державина поэзия русская сделала великий шаг вперед.

В. Г. Белинский

У Гаврилы Романовича Державина была интересная и сложная жизнь, с частыми взлетами и падениями. Сын обедневших мелкопоместных дворян из старинного рода, который вел свое начало с XV века от татарского мурзы Багрима, Державин прошел путь от рядового солдата до министра юстиции, занимал ряд важных государственных постов. При этом он никогда не изменял своим убеждениям, которые высказывал невзирая на лица, обладая прямым, резким, принципиальным характером. По своим взглядам, типичным для писателей-классицистов, Державин был приверженцем просвещенной монархии, верил в разум и справедливость верховного правителя и там, где служил, пытался добиваться правды. Честным исполнением служебного долга, независимостью характера и стремлением бороться против мздоимства «сильных мира сего», их жестокого отношения к крепостным он вызывал к себе ненависть сановников, что приводило к очередному недовольству его деятельностью и очередной отставке. К крестьянским же восстаниям относился резко отрицательно и участвовал в подавлении пугачевского бунта.

В мае 1783 года была опубликована ода «Фелица» без ведома автора, так как тот боялся гнева осмеянных им вельмож. Екатерина Романовна Дашкова преподнесла журнал императрице, которой ода понравилась. Державин сразу же сделался знаменитым. Вскоре открылась Российская академия (словесности), президентом которой была избрана княгиня

Е. Р. Дашкова, а Державин стал членом новой академии.

Обратила внимание на поэта сама императрица, пожаловала ему золотую табакерку и большую сумму денег, а также назначила на ответственную службу сначала губернатором в Олонецкую губернию, а через год – губернатором в Тамбов. На этих постах Гаврила Романович развернул кипучую деятельность по поддержке народного образования и культуры: открывал школы, народные училища, сиротские дома, театры, типографию. Чиновники же усердно писали доносы в Сенат. Председатель Сената А. А. Вяземский, давний недруг Державина, завел на него дело и передал его в суд, но в деятельности губернатора никаких нарушений не усмотрели.

К тому времени дом Державина в Петербурге становится центром культурной жизни. Верный своему характеру, Державин не побоялся вступиться за приговоренного к смертной казни Радищева.

Побывал Державин и на должности статс-секретаря Екатерины II, ему было поручено наблюдать за законностью решений Сената. Затем его произвели в чин тайного советника и сенатора. Но недолго он смог трудиться на этом поприще. Вновь пошли жалобы. В конце концов состоялось дипломатическое отстранение его от всех дел в виде перевода на должность президента коммерц-коллегии с приказом никакими делами не заниматься, ни во что не вмешиваться. Итогом наблюдения над нравами высшего чиновничества стала одна из лучших од Державина «**Вельможа**»:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.
……

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле

Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный, —
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь – коль мой сияет дух;
Владелец – коль страстьми владею;
Болярин – коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть – польза, слава, честь.

Попытки честно служить отечеству предпринимал Гаврила Романович и при Александре I. Он дошел до чина действительного тайного советника, однако ему не удалось издать собрания своих сочинений без искажения их цензурой. Когда же он потребовал произвести расследование обстоятельств смерти Павла I, то был уволен от всех должностей, кроме сенаторской. Затем на короткое время занял должность министра юстиции, но был уволен за слишком ревностную службу.

Последние годы жизни Державин занимался исключительно литературной деятельностью.

В творчестве поэта продолжают развиваться героические мотивы, присущие классицизму, и тем не менее его поэзия несет на себе печать уже нового периода русской жизни. Более резко, чем у Ломоносова и Сумарокова, звучит в ней сатирическое обличение «властителей и судей».

В оде **«Фелица»** перед читателем предстает реальный мир: современные политические события, придворный и усадебный быт, картины сельской жизни, природа средней полосы России. Главным предметом изображения стала человеческая личность – не условный, вымышленный герой, а живой современник. Поэт заговорил в стихах о самом себе, раскрыл страницы собственной биографии. Низкое и печальное, высокое и смешное соединились в одном произведении, отразив жизнь в ее развитии.

Типичное для оды восхищение, обращенное к Екатерине II:

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб, —

сочетается с описанием бытовых подробностей не только нейтральной, но даже и разговорной лексикой.

Мурзам[10] твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем[11],
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.
……

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах[12] мысль мою:
То плен от персов похищаю,

То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.
……

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку[13] с нею веселюся,
То ею в голове ищуся,
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову[14] читаю;
За Библией, зевая, сплю.
Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь…

Властителям и судиям

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою[15] очеса[16]:
Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

Стихотворение «Властителям и судия́м» является переложением 81 псалма, сочиненного, по преданию, царем Давидом. Прочтите полный текст псалма и сопоставьте его со стихотворением Державина.

Псалом 81

Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд.

Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицеприятие нечестивым?

Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость.

Избавляйте бедного и нищего, исторгайте его из руки нечестивых.

Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются.

Он сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы.

Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей.

Восстань, Боже, суди землю; ибо ты наследуешь все народы.

Вопросы и задания

1. К кому обращается Державин в стихотворении «Властителям и судиям»? Каков характер этого обращения (обличение, наказ, прославление)?

2. Как понимает Державин назначение правителей, «земных богов»?

3. Каков настоящий облик «властителей и судий»? Соответствует ли он представлению поэта о просвещенном государственном деятеле?

⏩1. Каким стилем написано стихотворение «Властителям и судиям»?

⏩⏩1. Надеется ли поэт на исправление пороков власти?

2. Какие чувства испытывает автор, каково его личное отношение к адресатам и какими словами оно выражено?

3. Сопоставьте это стихотворение с одой Ломоносова. В чем, по-вашему, сходство и различие этих двух произведений?

Памятник

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! – весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея[17] льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

Стихотворение «Памятник» – вольный перевод оды древнеримского поэта Горация «К Мельпомене», которая до Державина была переведена Ломоносовым, а после него –

Пушкиным.

Вопросы и задания

▸1. Какие темы вы можете выделить в стихотворении «Памятник»?

▸▸1. Что, по-вашему, означает «забавный русский слог»? Можете ли вы привести его примеры из поэзии Державина?

2. Каким стилем написано это стихотворение? Есть ли в нем элементы высокого стиля? Какова роль старославянизмов в стихотворении?

▸▸▸1. Что мы вслед за Державиным понимаем под «чудесным» и «вечным» памятником, который тверже металлов и «выше пирамид»? В чем смысл противопоставления металла, пирамид и памятника, возведенного себе поэтом?

2. Как решается в стихотворении тема бессмертия? Почему автор уверен, что после смерти слава его возрастет?

3. Что ставит Державин себе в заслугу как поэту и человеку?

Денис Иванович Фонвизин (1745–1792)

То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.

А. С. Пушкин

3(14) апреля 1745 года – родился в Москве, в небогатой дворянской семье, на протяжении нескольких веков честно служившей России. Большая семья жила дружно. Будущий писатель с детских лет отличался характером впечатлительным, вспыльчивым, был чуток и любознателен.

1755 – вместе с братом Павлом поступил в дворянскую гимназию при университете. Учился блистательно, неоднократно награждался золотой медалью, вышел из гимназии с прекрасным знанием языков, географии, архитектуры, философии, словесности.

1761 – начало литературной деятельности, перевод «Басней нравоучительных» Гольберга.

Приблизительно в то же время поездка в Петербург, знакомство с Ломоносовым, основателем русского театра Федором Волковым, актером Дмитриевским.

1762 – начало государственной службы, сначала в Иностранной коллегии, затем в качестве секретаря вельможи Елагина. Усиливается сатирическая направленность творчества как результат наблюдений над светской жизнью.

1764 – постановка на сцене комедии «Корион».

1769 – создание комедии «Бригадир». Знакомство с графом Паниным, воспитателем наследника престола Павла и главой Иностранной коллегии, и приход к нему на службу в качестве секретаря. Фонвизин стал играть заметную роль в коллегии, с ним считались русские дипломаты. Однако вскоре он вошел в оппозицию к Екатерине II, так как был против неограниченной монархии и фаворитизма, то есть разделял убеждения самого Панина. Они оба мечтали о реформах и преобразованиях в России.

1774 – женитьба на молодой вдове Екатерине Ивановне Хлоповой.

1782 – выход в отставку и начало активной литературной

работы. Отшлифовывается комедия «Недоросль». 24 сентября по протекции Потемкина пьеса была поставлена на сцене Вольного российского театра.

1783 – «Опыт российского сословника», то есть словаря синонимов. Это был не языковедческий труд, а острая социальная сатира.

1780-е – издание ряда публицистических произведений, в которых допускалась полемика непосредственно с Екатериной II. Издание журнала «Друг честных людей, или Стародум».

Конец 1780-х – создание сатирической пародии на учебник «Всеобщая придворная грамматика», в которой в форме вопросов и ответов высмеиваются порядки и нравы при дворе.

1 декабря 1792 года Д. И. Фонвизин скончался.

Всеобщая придворная грамматика

Глава первая

Вступление

Вопр. Что есть Придворная грамматика?

Отв. Придворная грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопр. Что значит хитро льстить?

Отв. Значит говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что есть придворная ложь?

Отв. Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр. На сколько родов разделяются подлые люди?

Отв. На шесть.

Вопр. Какие подлые души первого рода?

Отв. Те, кои сделали несчастную привычку без малейшей нужды в передних знатных господ шататься вседневно.

Вопр. Какие подлые души второго рода?

Отв. Те, кои, с благоговением предстоя большому барину,

смотрят ему в очи раболепно и алчут предузнать мысли его, чтобы заранее угодить ему подлым таканьем.

Вопр. Какие суть подлые души третьего рода?

Отв. Те, которые перед лицом большого барина, из одной трусости, рады все всклепать на себя небывальщину и от всего отпереться.

Вопр. А какие подлые души рода четвертого?

Отв. Те, кои в больших господах превозносят и то похвалами, чем гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какие суть подлые люди пятого рода?

Отв. Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам.

Вопр. Какие же суть подлые души рода шестого?

Отв. Те, которые презрительнейшим притворством обманывают публику: вне дворца кажутся Катонами, вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость; и по их отзывам кажется, что они одни своею твердостию стерегут целость отечества. <…>

Недоросль. *Комедия в пяти действиях. В сокращении*

Действующие лица

Простаков.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофан, сын их, недоросль.
Еремеевна, мама Митрофанова.
Правдин.
Стародум.
Софья, племянница Стародума.
Милон.
Скотинин, брат г-жи Простаковой.
Кутейкин, семинарист.
Цыфиркин, отставной сержант.
Вральман, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

Действие первое

Явление I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова (*осматривая кафтан на Митрофане*). Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку.

Еремеевна отходит.

Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

Явление II

Г-жа Простакова, **Еремеевна, Тришка.**

Г-жа Простакова (*Тришке*). А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире.

Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ища он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан (*вбегает*). Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

Явление III

Те же и **Простаков**.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков (*от робости запинаясь*). Ме… мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня Господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи…

Явление IV

Те же и **Скотинин**.

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтрева;

а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднехонько.

Г-жа Простакова (Гришке). Выйди вон, скот. (*Еремеевне.*) Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать робенку. Вить, я чаю, скоро и учители придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Потосковал до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, мати Божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да видно, брат, поужинал ты плотно.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков (в *сторону*). Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан (*разнежась*). Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова (с *досадою*). Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечный! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин!

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник;

иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегу-тка теперь на голубятню, так авось-либо…

Г-жа Простакова. Так авось-либо Господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною отходят. <…>

Действие второе

Явление I

Правдин, **Милон**.

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобою! Скажи, каким случаем…

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника. С какою ревностию помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении, там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дни. Нашел помещика дурака бессчетного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи, долго ль здесь останесся?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено и солдат вести без замедления… да, сверх того, я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен и имею счастие быть любим. Больше полугода, как я в

разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слыхал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь, однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сумневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

Правдин. Позволь мне спросить об ее имени.

Милон (*в восторге*). А! вот она сама. <…>

Вопросы

1. С какой целью в имении Простаковой находится Правдин? Что можно сказать о его общественных взглядах?
2. Какие у Правдива есть основания надеяться положить конец бесчинствам Простаковой? Кто поможет ему осуществить замысел?

1. Какая фраза выражает отношение самого Фонвизина к Правдину и характеру его службы?

Действие третье

Явление I

Стародум и **Правдин**.

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мое к вам душевное почтение…

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете

иметь ее к другим, кроме таких…

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины – перестает искренность.

Правдин. Ваше обхождение…

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался *ты,* а не *вы.* Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нонче многие не стоят одного. Отец мой у двора Петра Великого…

Правдин. А я слышал, что он в военной службе…

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

Правдин. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах…

Стародум. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знании мода, как на пряжки, на пуговицы.

Правдин. Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа…

Стародум. Без нее просвещеннейшая умница – жалкая тварь. (С *чувством.*) Невежда без души – зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я освободить…

Правдин. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем…

Стародум. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня правило: в первом движении ничего не начинать.

Правдин. Редкие правило ваше наблюдать умеют.

Стародум. Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

Правдин. Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете…

Стародум. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особливый

случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостию. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пойдем тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливый тебе путь, – сказал мне, – а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту ж минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду.

Правдин. Сущая истина.

Стародум. Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжкой болезни. Такое неправосудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

Правдин. Что ж бы иное и делать надлежало?

Стародум. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженного моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожалованну.

Правдин. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

Стародум. В одном только: когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

Правдин. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародум. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

Правдин. Куда же?

Стародум. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом

думаешь?

Правдин. Как же вам эта сторона показалась?

Стародум. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

Стародум. А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтиться не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земле.

Правдин. Так поэтому тут самолюбие…

Стародум. Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся, ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдин. Но те достойные люди, которые у двора служат государству…

Стародум. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

Правдин. Вас, конечно, у двора не узнали?

Стародум. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот, а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

Правдин. Каких?

Стародум. От двора, мой друг, выживают двумя манерами. Либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин. Итак, вы отошли от двора ни с чем? (*Открывает свою табакерку.*)

Стародум (*берет у Правдина табак*). Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублев. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублев целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правилы.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится. <…>

Вопросы и задания

1. Какие общественно-политические и нравственные проблемы обсуждаются в диалогах Стародума и Правдина?

2. О каком времени вспоминает Стародум и почему? Что привлекает его в прошлом?

3. Как относится Стародум к современному ему обществу?

4. Как вы думаете, почему Фонвизин называет своего положительного персонажа именем Стародум?

1. Сопоставьте мысли Стародума со взглядами, выраженными Ломоносовым и Державиным в известных вам произведениях.

Явление III

Те же, **г-жа Простакова, Скотинин**, **Милон**.

Милон разнимает г-жу Простакову со Скотининым.

Г-жа Простакова. Пусти! Пусти, батюшка! Дай мне до рожи, до рожи…

Милон. Не пущу, сударыня. Не прогневайся!

Скотинин (*в запальчивости, оправляя парик*). Отвяжись, сестра! Дойдет дело до ломки, погну, так затрещишь.

Милон (*г-же Простаковой*). И вы забыли, что он вам брат!

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

Милон (*Скотинину*). Разве она вам не сестра?

Скотинин. Что греха таить, одного помету, да вишь как развизжалась.

Стародум (*не могши удержаться от смеха, к Правдину*). Я боялся рассердиться. Теперь смех меня берет.

Г-жа Простакова. Кого-то, над кем-то? Это что за выезжий?

Стародум. Не прогневайся, сударыня. Я на роду ничего смешнее не видывал.

Скотинин (*держась за шею*). Кому смех, а мне и полсмеха нет.

Милон. Да не ушибла ль она вас?

Скотинин. Перед-от заслонял обеими, так вцепилась в зашеину…

Правдин. И больно?..

Скотинин. Загривок немного пронозила.

В следующую речь г-жи Простаковой Софья

сказывает взорами Милону, что перед ним Стародум. Милон ее понимает.

Г-жа Простакова. Пронозила!.. Нет, братец, ты должен образ выменить господина офицера; а кабы не он, то б ты от меня не заслонился. За сына вступлюсь. Не спущу отцу родному. (*Стародуму.*) Это, сударь, ничего и не смешно. Не прогневайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала? Изволил пожаловать неведомо к кому, неведомо кто.

Стародум (*указывая на Софью*). Приехал к ней ее дядя, Стародум.

Г-жа Простакова (*обробев и иструсясь*). Как! Это ты! Ты, батюшка! Гость наш бесценный! Ах, я дура бессчетная! Да так ли бы надобно было встретить отца родного, на которого вся надежда, который у нас один, как порох в глазе. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Где муж? Где сын? Как в пустой дом приехал! Наказание Божие! Все обезумели. Девка! Девка! Палашка! Девка!

Скотинин (в *сторону*). Тот-то, он-то, дядюшка-то! <…>

Явление VII

Те же, **г-жа Простакова** и **Митрофан**.

Г-жа Простакова. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофан. Ну! А там что?

Г-жа Простакова. А там и женисся.

Митрофан. Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь; только чтоб это был последний раз и чтоб сегодни ж быть сговору.

Г-жа Простакова. Придет час воли Божией!

Митрофан. Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа Простакова. А я тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было бы куды класть.

Митрофан. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркин. Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите.

Г-жа Простакова (*работая*). Ах, Господи Боже мой! Уж

робенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался!

Цыфиркин. За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит.

Митрофан. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркин. Все зады, ваше благородие. Вить с задами-то век назади останесся.

Г-жа Простакова. Не твое дело, Пафнутьич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и Боже избави!

Цыфиркин. Задача. Изволил ты, на приклад, идти по дороге со мною. Ну, хоть возьмем с собою Сидорыча. Нашли мы трое…

Митрофан (*пишет*). Трое.

Цыфиркин. На дороге, на приклад же, триста рублев.

Митрофан (*пишет*). Триста.

Цыфиркин. Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофан (*вычисляя, шепчет*). Единожды три – три. Единожды ноль – ноль. Единожды ноль – ноль.

Г-жа Простакова. Что, что до дележа?

Митрофан. Вишь, триста рублев, что нашли, троим разделить.

Г-жа Простакова. Врет он, друг мой сердечный! Нашел деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

Митрофан. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Цыфиркин. Пиши, ваше благородие. За ученье жалуете мне в год десять рублев.

Митрофан. Десять.

Цыфиркин. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофан (*пишет*). Ну, ну, десять.

Цыфиркин. Сколько ж бы на год?

Митрофан (*вычисляя, шепчет*). Нуль да нуль – нуль. Один да один… (*Задумался.*)

Г-жа Простакова. Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а все, вижу, пустота. Денег нет – что считать? Деньги есть – сочтем и без Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкин. Шабашь, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Вить на поверку приводить не станут.

Митрофан. Не бось, брат. Матушка тут сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

Кутейкин (*открывает Часослов, Митрофан берет указку*).

Начнем благословясь. За мною, со вниманием. «Аз же есмь червь…»

Митрофан. «Аз же есмь червь…»

Кутейкин. Червь, сиречь, животина, скот. Сиречь: «аз есмь скот».

Митрофан. «Аз есмь скот».

Кутейкин (*учебным голосом*). «А не человек».

Митрофан (*так же*). «А не человек».

Кутейкин. «Поношение человеков».

Митрофан. «Поношение человеков».

Кутейкин. «И уни…» <…>

Действие четвертое

Явление VIII

Те же, **г-жа Простакова, Простаков, Митрофан** и **Еремеевна**.

Г-жа Простакова (*входя*). Все ль с тобою, друг мой?

Митрофан. Ну, да уж не заботься.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволил, батюшка? Мы все в четвертой комнате на цыпочках ходили, чтоб тебя не обеспокоить; не смели в дверь заглянуть; послышим, ан уж ты давно и сюда выйти изволил. Не взыщи, батюшка…

Стародум. О сударыня, мне очень было бы досадно, ежели б вы сюда пожаловали ране.

Скотинин. Ты, сестра, как на смех, все за мною по пятам. Я пришел сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я так за своею. (*Стародуму.*) Позволь же, мой батюшка, потрудить вас теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну.*) Кланяйтесь.

Стародум. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первых, прошу милости всех садиться.

Все садятся, кроме Митрофана и Еремеевны.

Вот в чем дело, батюшка. За молитвы родителей наших, – нам, грешным, где б и умолить, – даровал нам Господь Митрофанушку. Мы все делали, чтоб он у нас стал таков, как изволишь его видеть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен?

Стародум. О сударыня! До моих ушей уже дошло, что он теперь только и отучиться изволил. Я слышал об его учителях и вижу наперед, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*К Правдину.*) Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил.

Г-жа Простакова. Всем наукам, батюшка.
Простаков. Всему, мой отец.
Митрофан. Всему, чему изволишь.
(Вместе.)

Правдин (*Митрофану*). Чему ж бы, например?

Митрофан (*подает ему книгу*). Вот, грамматике.

Правдин (*взяв книгу*). Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна…

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь, котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Стародум. Так поэтому у тебя слово «дурак» прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан. И ведомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаков. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборный не рассказывал мне историй. Мастер, собачий сын, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придет против Адама Адамыча.

Правдин (*Митрофану*). А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдин. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

Стародум. Вральман? Имя что-то знакомое.

Митрофан. Нет, наш Адам Адамыч истории не рассказывает; он, что я же, сам охотник слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляют себе рассказывать истории скотницу Хавронью.

Правдин. Да не у ней ли оба вы учились и географии?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышишь, друг мой сердечный? Это что за наука?

Митрофан (*тихо матери*). А я почем знаю.

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофан (*тихо матери*). Да я не возьму в толк, о чем спрашивают.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин. География.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еоргафия.

Митрофан. Да что такое! Господи Боже мой! Пристали с ножом к горлу!

Г-жа Простакова (*Правдину*). И ведомо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он ее и расскажет.

Правдин. Описание земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А к чему бы это служило на первый случай?

Стародум. На первый случай сгодилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда, – свезут, куда изволишь. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

Стародум. О, конечно, сударыня. В человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Без науки люди живут и жили. Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажить и сохранить. Челобитчиков принимал всегда, бывало, сидя на железном сундуке. После всякого сундук отворит и что-нибудь положит. То-то эконом был! Жизни не жалел, чтоб из сундука ничего не вынуть. Перед другим не похвалюсь, от вас не потаю: покойник-свет, лежа на сундуке с деньгами, умер, так сказать, с голоду. А! каково это?

Стародум. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтоб вкусить такую блаженную кончину.

Скотинин. Да коль доказывать, что ученье вздор, так возьмем

дядю Вавилу Фалелеича. О грамоте никто от него и не слыхивал, ни он ни от кого слышать не хотел: а какова была головушка!

Правдин. Что ж такое?

Скотинин. Да с ним на роду вот что случилось. Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменны ворота. Мужик был рослый, ворота низки, забыл наклониться. Как хватит себя лбом о притолоку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею, и бодрый конь вынес его из ворот к крыльцу навзничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете ученый лоб, который бы от такого тумака не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезвясь, спросил только, целы ли ворота?

Милон. Вы, господин Скотинин, сами признаете себя неученым человеком; однако, я думаю, в этом случае и ваш лоб был бы не крепче ученого.

Стародум (*Милану*). Об заклад не бейся. Я думаю, что Скотинины все родом крепколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! Да что за радость и выучиться? Мы это видим своими глазами и в нашем краю. Кто посмышленее, того свои же братья тотчас выберут еще в какую-нибудь должность.

Стародум. А кто посмышленее, тот и не откажет быть полезным своим согражданам.

Г-жа Простакова. Бог вас знает, как вы нынче судите. У нас, бывало, всякий того и смотрит, что на покой. (*Правдину.*) Ты сам, батюшка, других посмышленее, так сколько трудисся! Вот и теперь, сюда шедши, я видела, что к тебе несут какой-то пакет.

Правдин. Ко мне пакет? И мне никто этого не скажет! (*Вставая.*) Я прошу извинить меня, что вас оставлю. Может быть, есть ко мне какие-нибудь повеления от наместника.

Стародум (*встает и все встают*). Поди, мой друг, однако я с тобою не прощаюсь.

Правдин. Я еще увижусь с вами. Вы завтре едете поутру?

Стародум. Часов в семь.

Правдин отходит.

Милон. А я завтре же, проводя вас, поведу мою команду. Теперь пойду сделать к тому распоряжение.

Милон отходит, прощаясь с Софьею взорами.

Действие пятое

Явление III

Те же, **г-жа Простакова, Простаков, Митрофан**.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! (*Указывая на Милана.*) Чужой погрозит, приказ мой ни во что.

Простаков. Я ли виноват?
Митрофан. За людей приниматься?
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу. } (*Вместе.*)

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, дает право вам, как дяде, а вам, как жениху…

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаков. Хороши мы!
Митрофан. Все к черту! } (*Вместе.*)

Правдин. Требовать от правительства, чтоб сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов. Сейчас представлю ее перед суд, как нарушительницу гражданского спокойства.

Г-жа Простакова (*бросаясь на колени*). Батюшки, виновата!

Правдин. Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии…

Простаков. Без вины виноват!
Митрофан. Виноват, дядюшка! } (*Вместе, бросаясь на колени.*)

Г-жа Простакова. Ах я, собачья дочь! Что я наделала!

Явление IV

Те же и **Скотинин**.

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку… Ба! Что это? все наши на коленях!

Г-жа Простакова (*стоя на коленях*). Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. (*К Софье.*) Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова (*подняв руки к Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Вить я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да и не надобно быть и чертом.

Милон. И преступление и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин (*Стародуму*). Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством… и уж спасти ее нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-то о вольности дворянства?

Стародум. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову… (*Порывается идти.*)

Правдин (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынув бумагу и важным голосом Простакову.*) Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.

Простаков. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что? За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа…

Правдин. Госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоучрежденном государстве терпимо быть не может. (*Простакову.*) Подите.

Простаков (*отходит, всплеснув руками*). От кого это, матушка?

Г-жа Простакова (*тоскуя*). О, горе взяло! О, грустно!

Скотинин. Ба! ба! ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку… Уберусь же я отсюда подобру-поздорову.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсем погибаю!

Скотинин (*Стародуму*). Я шел было к тебе добиться толку. Жених…

Стародум (*указывая на Милона*). Вот он.

Скотинин. Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и…

Правдин. Да и ступай к своим свиньям. Не забудь, однако ж, повестить всем Скотининым, чему они подвержены.

Скотинин. Как друзей не остеречь! Повещу им, чтоб они людей…

Правдин. Побольше любили или б по крайней мере…

Скотинин. Ну?..

Правдин. Хоть не трогали.

Скотинин (*отходя*). Хоть не трогали. <…>

Явление последнее

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин, Митрофан, Еремеевна.

Стародум (*к Правдину, держа руки Софьи и Милана*). Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам…

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась…

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала в обморок.*)

Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти.

Стародум (*Софье*). Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Да она как будто неведомо…

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю, что делать. Пошел-ко служить…

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят.

Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонравия достойные плоды!

Конец комедии.

Вопросы

▶1. С какой целью Простакова нанимает учителей для Митрофана?

2. Как вы оцениваете умственные способности недоросля? Что усматриваете в его репликах – глупость или наглость?

▶▶▶1. Почему Митрофан отталкивает мать и покорно ведет себя с Правдиным?

2. Каково отношение самого Фонвизина и его положительных персонажей к воспитанию молодых дворян?

Вопросы и задания ко всему тексту комедии «Недоросль»

▶1. Назовите сюжетные линии пьесы.

2. В чем вы видите конфликт комедии «Недоросль»?

3. Как вы думаете, есть ли в комедии резонер (герой, выражающий мысли автора)? Если да, то кто выступает в этой роли?

▶▶1. Какие сцены и лица не имеют прямого отношения к развитию сюжета, но связаны с проблематикой комедии? Какова их роль?

2. Выпишите из текста комедии пословицы, поговорки и афоризмы, раскройте их роль в характеристике персонажей комедии, а также взглядов драматурга. Каковы способы включения метких выражений в речь персонажей?

▶▶▶1. Почему «Недоросль» называется комедией? Согласны ли вы с таким определением жанра пьесы? Аргументируйте свое мнение.

2. Можно ли назвать «Недоросль» высокой комедией и если да, то почему?

О русском сентиментализме

В последние десятилетия XVIII века в России постепенно складывается новое литературное направление – **сентиментализм.** Определяя его особенности, П. А. Вяземский указывал на «изящное изображение основного и повседневного». В противоположность классицизму сентименталисты декларировали культ чувств, а не разума, воспевали простого человека, освобождение и совершенствование его естественных начал.

Философской основой этого творческого метода явилось учение сенсуализма Дж. Локка, считавшего ощущения важнейшим способом познания мира. Внесословная ценность человеческой личности, обладающей высокими душевными качествами, являлась основным идеалом сентименталистов, сформированным под воздействием идей эпохи Просвещения. Героем произведения сентиментализма становился человек незнатного происхождения, отличавшийся глубокими душевными переживаниями, чувствительностью. Он противопоставлялся людям, одержимым рассудочностью, пристрастием к деньгам, карьере, положению в свете. Среди известных произведений западноевропейского сентиментализма можно назвать «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, «Новую Элоизу» Ж.-Ж. Руссо, романы С. Ричардсона и др.

В России представителями сентиментализма выступали Н. М. Карамзин (с его повестью «Марфа Посадница» вы познакомились в 8 классе, а повесть «Бедная Лиза» вам предстоит прочитать и оценить вскоре), И. И. Дмитриев, В. В. Капнист, в ранний период творчества В. А. Жуковский. Черты сентиментализма заметны и в творчестве А. Н. Радищева.

Излюбленными жанрами сентиментализма стали элегия, послание, эпистолярный роман (роман в письмах), дневник, путешествие, повесть. На смену господствующей драматургии

приходит проза.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826)

Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности.

А. С. Пушкин

«Карамзиным, – писал В. Г. Белинский, – началась новая эпоха русской литературы». Эта новая эпоха характеризовалась прежде всего тем, что литература приобрела влияние на самый широкий круг читателей. Именно Карамзин приохотил русских людей к чтению. «Карамзина читали все грамотные люди, претендовавшие на образованность, многих из них только Карамзин и мог заставить приняться за чтение книг и полюбить это занятие как приятное и полезное». Белинский называет литературную деятельность Карамзина подвигом. «Везде и во всем, – писал он, – Карамзин является не только преобразователем, но и начинателем, творцом». Критик выделил в истории литературы целый период, назвав его карамзинским.

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1766 года в семье симбирского дворянина. (Память о Карамзине хранит и поныне город Ульяновск: памятник писателю стоит в сквере, расположенном между гимназией № 1 и библиотекой, носящей его имя. На памятнике вместе с изображением Карамзина мы видим статую музы истории Клио.) После непродолжительного обучения в Симбирске юноша продолжил образование в пансионе профессора Московского университета Шадена, откуда вышел с хорошей подготовкой. Из пансиона будущий писатель вынес убеждение, что высшей формой государственной власти является монархия, наиболее способная к приобретению, утверждению и возвышению славы отечества. Дворянство как высшее сословие должно жертвовать всем для общей славы.

В 1783 году Карамзин находился на военной службе, но после смерти отца вышел в отставку и вернулся в Симбирск, где занялся литературной деятельностью.

Некоторое время, находясь под влиянием известного писателя и издателя сатирических и философских журналов Николая Ивановича Новикова, Карамзин посещал в Москве его масонский кружок. Параллельно формировались и просветительские взгляды Карамзина. По поручению Новикова он редактировал журнал «Детское чтение для сердца и разума», что принесло большую пользу для формирования его писательского стиля, простого и доступного для демократического читателя. Под влиянием масонства у молодого литератора пробуждается интерес к внутренней жизни человека, к проблеме самопознания.

После заграничного путешествия Карамзин стал издавать ежемесячный «Московский журнал», в котором поместил «Письма русского путешественника», некоторые повести и стихи. В начале XIX века он редактирует «Вестник Европы», в котором создает не только литературно-художественный, но и критический отдел.

В 1803 году он начинает работать над многотомным трудом по истории России.

Литературная деятельность Карамзина охватывает период с середины 1780-х до середины 1820-х годов. Он стал первым и самым крупным представителем нового направления в литературе – сентиментализма. Он писал стихи, художественную прозу, публицистические, политические, теоретико-литературные статьи. Главная же книга Карамзина, над которой он работал в течение двух десятилетий и которая оказала большое влияние на русскую литературу XIX столетия, – «История государства Российского», прославила ее автора как выдающегося историка. В этом произведении писатель показал важные события политической, гражданской и культурной жизни России, происходившие на протяжении семи веков; создал галерею характеров русских людей: князей, крестьян, полководцев, героев многочисленных сражений «за землю Русскую».

Николай Михайлович Карамзин умер в 1826 году, не закончив работу над 12-м томом, в котором описывал и анализировал события Смутного времени. Восхищенный историческими трудами Карамзина, А. С. Пушкин посвятил его памяти замечательную трагедию «Борис Годунов», созданную в период михайловской ссылки.

К соловью

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной нощи!
Глас твой мил душе моей.

Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! Я вспомнил незабвенных,
В недрах хладныя земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травою,
Я остался сиротою…
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезу лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнею твоей?
С кем природой утешаться?
Все печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному —
Свет пустыня, мрак ему.

Скоро ль песнею своею,
О любезный соловей,
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?

История государства Российского. *Царствование Иоанна Грозного. Фрагменты*

Приступаем к описанию ужасной перемены в душе царя и в судьбе царства.

И россияне современные и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, изображают сего юного, тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных ко славе и счастью государства. Так изъясняются первые: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет

обыкновенных прохлад царских… Ласковый к вельможам и народу – любя, награждая всех по достоинству – щедростию искореняя бедность, а зло – примером добра, сей Богом урожденный царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» <…>

Вероятно ли, чтобы государь любимый, обожаемый мог с такой высоты блага, счастия, славы низвергнуться в бездну ужасов тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях. <…>

Иоанн родился с пылкими страстями, с воображением сильным, с умом еще более острым, нежели твердым или основательным. Худое воспитание, испортив в нем естественные склонности, оставило ему способ к исправлению в одной вере: ибо самые дерзкие развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства… Государь возмужал: страсти зреют вместе с умом, и самолюбие действует еще сильнее в летах совершенных. <…>

После казней Иоанн занялся образованием своей новой дружины. В совете с ним сидели Алексей Басманов, Малюта Скуратов, князь Афанасий Вяземский и другие любимцы. К ним приводили молодых детей боярских, отличных не достоинствами, но так называемым удальством, распутством, готовностью на все. Иоанн предлагал им вопросы о роде их, о друзьях и покровителях; требовалось именно, чтобы они не имели никакой связи с знатными боярами; неизвестность, самая низость происхождения, вменялась им в достоинство. Вместо тысячи царь избрал 6000 и взял с них присягу служить ему верою и правдою, доносить на изменников, не дружить с земскими (т. е. со всеми, не записанными в опричнину), не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя.

Бедная Лиза. *В сокращении*

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си…нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется

глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных златых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. <…>

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си…нова монастыря – воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!

Саженях в семидесяти от монастырской стены, подле березовой рощицы, среди зеленого луга, стоит пустая хижина, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкой, матерью своей.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаем, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего – ибо и

крестьянки любить умеют! – день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, которая осталась после отца пятнадцати лет, – одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь – ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды – и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее к слабо биющемуся сердцу, называла Божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила Бога, чтобы он наградил ее за все то, что она делает для матери. <…>

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы – и закраснелась. «Ты продаешь их, девушка?» – спросил он с улыбкою. «Продаю», – отвечала она. «А что тебе надобно?» – «Пять копеек». – «Это слишком дешево. Вот тебе рубль». Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, – еще более закраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмет рубля. «Для чего же?» – «Мне не надобно лишнего». – «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берешь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил ее за руку. «Куда же ты пойдешь, девушка?» – «Домой». – «А где дом твой?» Лиза сказала, где она живет, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались. <…>

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои провождали. Ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», – думал он и решился – по крайней

мере на время – оставить большой свет. <…>

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) – дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зеленые ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались – но целомудренная, стыдливая Цинтия не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, – говорила Лиза Эрасту, – когда ты скажешь мне: „Люблю тебя, друг мой!“, когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме Эраста. Чудно́! Чудно́, мой друг, что я, не знав тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих темен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». Эраст восхищался своей пастушкой – так называл Лизу – и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, – думал он, – не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!» Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих? <…>

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза ее от слез покраснели. «Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?» – «Ах, Эраст! Я плакала!» – «О чем? Что такое?» – «Я должна сказать тебе все. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». – «И ты соглашаешься?» – «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу ее спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» Эраст целовал Лизу, говорил, что ее счастие дороже ему всего на

свете, что по смерти матери ее он возьмет ее к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» – сказала Лиза с тихим вздохом. «Почему же?» – «Я крестьянка». – «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная невинная душа, – и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности! Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей – никогда Лиза не казалась ему столь прелестною – никогда ласки ее не трогали его так сильно – никогда ее поцелуи не были столь пламенны – она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась – мрак вечера питал желания – ни одной звездочки не сияло на небе – никакой луч не мог осветить заблуждения. – Эраст чувствует в себе трепет – Лиза также, не зная, отчего, не зная, что с нею делается… Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность? <…>

Свидания их продолжались; но как все переменилось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы – одними ее любви исполненными взорами – одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, – а кто знает сердце свое, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение *всех* желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог *гордиться* и которые были для него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала во всем, как агнец, повиновалась его воле и в удовольствии его полагала свое счастье. Она видела в нем перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!» Иногда, прощаясь с ней, он говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видеться: мне встретилось важное дело», – и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец, пять дней сряду она не видела его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришел он с печальным лицом и сказал: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идет в поход». Лиза побледнела и едва не упала в обморок. <…>

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем чтобы купить розовой воды, которою мать ее лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретилась ей великолепная карета, и в сей карете увидела она Эраста. «Ах!» – закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дома, как вдруг почувствовал себя в Лизиных объятиях. Он побледнел – потом, не отвечая ни слова на ее восклицания, взял ее за руку, привел в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей – возьми их, – он положил ей деньги в карман, – позволь мне поцеловать тебя в последний раз – и поди домой». Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его, – но язык мой не движется – смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти все свое имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягченный долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства – жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но все сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» – вот ее мысли, ее чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести ее в память. Несчастная открыла глаза – встала с помощию сей доброй женщины, – благодарила ее и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, – думала Лиза, – нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! Небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее. Но через несколько минут

погрузилась она в некоторую задумчивость – осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, кликнула ее, вынула из кармана десять империалов и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке – они не краденые – скажи ей, что Лиза против нее виновата, что я таила от нее любовь свою к одному жестокому человеку, – к Э… На что знать его имя? – Скажи, что он изменил мне, – попроси, чтобы она меня простила, – Бог будет ей помощником, поцелуй у нее руку так, как я теперь твою целую, скажи, что бедная Лиза велела целовать ее, – скажи, что я…» Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее, побежала в деревню – собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мертвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы *там,* в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на ее могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела – глаза навек закрылись. Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!»

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могиле. Теперь, может быть, они уже примирились!

Вопросы и задания

▸1. Охарактеризуйте главную героиню повести. Какие художественные средства выбраны автором для создания ее внешнего и внутреннего облика? Как выражено отношение к ней писателя?

▸▸1. Какими словесными деталями передается движение чувства Лизы к Эрасту – от робкой привязанности до пылкой страсти?

2. Обратите внимание на роль жеста в раскрытии внутреннего состояния героев. Проанализируйте этот прием автора.

3. Каково назначение лирических отступлений в повести?

4. В чем заключается роль пейзажа в повести? Как связан он с настроением и чувствами влюбленных?

⏩1. Можно ли считать Эраста злодеем или коварным соблазнителем? Каким обрисовывает его Карамзин, как раскрывает свое к нему отношение? Сопоставьте манеру изображения Эраста с манерой изображения героев в произведениях русского классицизма на примере известных вам произведений.

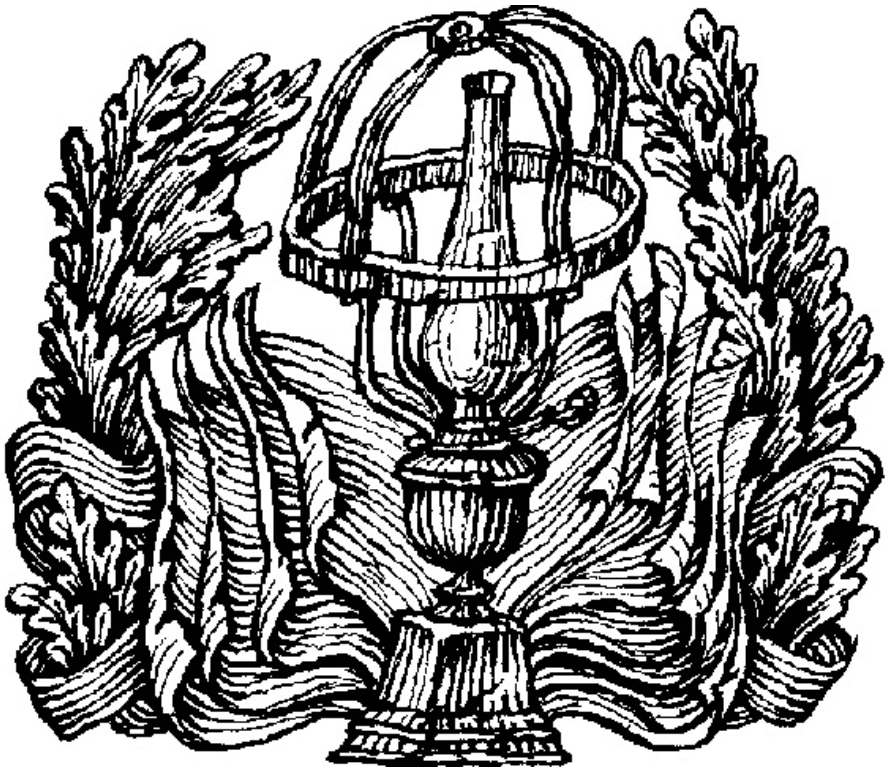
2. Каким вам представляется образ повествователя?

3. Какая фраза, по-вашему, определяет идею повести «Бедная Лиза»? Ответ обоснуйте.

Литература XIX века

А. С. Грибоедов. В. А. Жуковский. А. С. Пушкин. М. Ю. Лермонтов. Н. В. Гоголь. Ф. И. Тютчев.

О русской литературе XIX века



Начало XIX века часто называют «золотым веком» нашей поэзии, но нередко так характеризуют и всю литературу этого столетия.

Поток литературы несет свои воды в потоке истории: они неразрывно сливаются между собой, и для определения роли каждого писателя в судьбах Родины необходимы неопровержимые свидетельства современников, находки, даже открытия исследователей, которые посвятили себя изучению родной литературы.

XIX век богат поисками новых литературных направлений. В творческих свершениях этого века литература далеко ушла по пути и **романтизма,** и **реализма.** В. А. Жуковский воплотил в своих произведениях лучшие стороны русского романтизма, А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов отдали щедрую дань этому яркому направлению. Идею свободы личности от общественных законов, которую утверждали романтики, опровергала жизнь, все очевидней становилась зависимость каждого человека от общества, и ее убедительно показывал реализм.

В истории литературы реализм возник как явление, спорящее с романтизмом. В реалистических произведениях интерес к исключительной личности, свойственный романтизму, сменился интересом к повседневному существованию обыкновенных людей. Личность все более осмыслялась как часть общества, реалисты изображали человека в его многообразных связях с окружающим миром, в его конкретности, жизненной достоверности.

Предшествующие направления, включая и романтизм (классицизм, сентиментализм), заранее давали писателю определенную систему устойчивых представлений о мире, человеке, его разуме и душе. Писатель-реалист должен был сам отыскивать закономерности, управляющие действительностью и человеком, что принципиально изменяло его творчество. Реализм бесконечно расширял возможности постижения действительности во всей ее сложности и непредсказуемости. Поскольку становилась очевидной «сила исторических и социальных условий, влияющих на поведение человека», реализм стремился исследовать, как соотносятся между собой давление внешних обстоятельств и внутренняя свобода человека.

Реализм возникает в Западной Европе как метод исследования внутренних противоречий человека, которые вызывали неизбежные изменения в судьбах героев. В русском реализме ставится вопрос не столько об изменении конкретной судьбы человека, сколько вопрос об изменении самого героя или о преобразовании мира вокруг него.

Обычно отмечают стремительность развития русского реализма, его динамичность. Для произведений русского реализма было свойственно активное использование романтической традиции: она и в жажде преобразования человека и общества, и в поисках путей этого преобразования, которые могут показаться утопичными.

Нужно учесть, что реализм, в русле которого творили многие классики XIX века, не был однороден: он постоянно и постепенно видоизменялся, отражая индивидуальные особенности каждого из писателей, специфику того конкретного периода, когда задумывалось или создавалось произведение.

XIX век – век реализма, который назван критическим. XX век продолжил поиски нового содержания и новых определений, которые помогут обозначить отличие этого этапа от всех предшествующих.

Вопросы и задания

1. Вспомните прочитанные вами произведения XIX века и попытайтесь определить, к какому литературному направлению (романтизму или реализму) они относятся. Ответ обоснуйте.

2. Подумайте, чем отличается реализм первой половины XIX века, который и в Европе и в России считается периодом становления реализма, от эпохи его зрелости (вторая половина столетия).

3. «Литература – учебник жизни». Согласны ли вы с этим утверждением Н. Г. Чернышевского?

4. Проследите, как меняется герой в произведениях классицизма, сентиментализма, романтизма и реализма. Какие черты характера становятся ведущими?

Александр Сергеевич Грибоедов (1794–1829)

Ум от природы обильный, обогащенный глубокими познаниями, жажда к коим не оставляет его, душа, чувствительная ко всему высокому, благородному, геройскому. Правила чести… характер живой… дар слова в высокой степени, приятный талант в музыке, наконец, познание людей делает его кумиром и украшением лучших обществ.

П. А. Бестужев

«Нет у специалистов разногласия, что о Грибоедове мы знаем чрезвычайно мало, – отмечает известный историк и писатель Н. Я. Эйдельман, – в 1826-м бумаги уничтожены перед арестом, в 1829-м растерзаны в Тегеране; позже сгорела драгоценная черновая тетрадь, оставшаяся у друзей…

Великий человек, чья дата рождения на сегодня точно неизвестна.

Особенна, таинственна внутренняя, личная жизнь Грибоедова… Наиболее известная грибоедовская примета – очки, за которыми на разных портретах – то лик холодный, надменный, иронический, то – веселый, растрепанный, беспомощный».

А вот мнение выдающегося литературоведа Б. М. Эйхенбаума: «Судьба Грибоедова – сложная историческая проблема, почти не затронутая наукой и вряд ли разрешимая научными методами из-за отсутствия материалов».

А. С. Пушкин, высоко ценивший Грибоедова, заметил: «Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям».

Одна пьеса принесет известность Александру Сергеевичу Грибоедову. Литература знает авторов одного сочинения, вернее, одного гениального сочинения, которое неизмеримо возвышается над остальными, тоже талантливыми. Грибоедов в литературу вошел как автор комедии «Горе от ума», хотя написал еще несколько пьес, а также поэм и стихотворений…

Грибоедов родился в именитой дворянской семье. Получил блестящее образование. Сначала дома, затем в Московском благородном пансионе, а позже – в Московском университете, где

закончил словесный и юридический факультеты и занимался на физико-математическом. С детства владел французским, английским, немецким и итальянским, позднее изучил греческий, латинский, персидский, арабский и турецкий языки. Он был музыкально одаренным человеком: играл на фортепиано, органе, флейте, сочинял музыку (сохранилось два вальса).

Общение в университете с П. Я. Чаадаевым, Н. М. Муравьевым и Н. И. Тургеневым способствовало формированию у Грибоедова передового и независимого мировоззрения. В университете начали проявляться и его поэтические способности.

В 1812 году поступает добровольцем в армию, а после окончания войны с Наполеоном Грибоедов уходит в отставку. Он поселяется в Петербурге, поступает на службу в Коллегию иностранных дел, где знакомится с Пушкиным, Кюхельбекером, служащими там в это время. В столице Грибоедов общается с людьми, причастными к театру, сотрудничает в журналах, пишет пьесы.

Близость Грибоедова к В. К. Кюхельбекеру, К. Ф. Рылееву, А. А. Бестужеву бесспорна. Их объединяли общность взглядов и критическая оценка российского государственного устройства. Однако нет сведений об участии Грибоедова в тайных обществах.

В 1818 году Грибоедова назначают секретарем русской дипломатической миссии в Персии, где он проявляет свои незаурядные способности. В путевом дневнике Грибоедов запишет: «Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль… Голову мою положу за несчастных соотечественников». Все дела свои он делает с великим умением и страстью. «Дружбы ни с кем не имею и не хочу ее, уважение к России и к ее требованиям, вот что мне нужно».

В 1822 году Грибоедова переводят по службе в Тифлис, где он исполняет должность секретаря по дипломатической миссии при главноуправляющем Грузии знаменитом генерале А. П. Ермолове. В Тифлисе Грибоедов работает над первыми двумя актами комедии «Горе от ума».

После отпуска, продолжавшегося с 1823 по 1825 годы, Грибоедов возвращается на Кавказ, узнает о декабрьских событиях в Петербурге. Близость его к декабристам не осталась тайной для правительства. Грибоедова арестовывают, но, предупрежденный Ермоловым, он успевает уничтожить компрометирующие письма и бумаги. Следствие длится четыре месяца, Грибоедов отрицает принадлежность к какому-либо тайному обществу, что подтверждают и декабристы. Власти снимают обвинения и освобождают его из-под ареста. Удачному

завершению дела во многом способствовали мужество и самообладание Грибоедова.

В 1828 году заканчивается война с Персией, дипломатическим завершением которой явился выгодный для России Туркманчайский мирный договор, и большая доля заслуги в заключении этого договора принадлежит Грибоедову. Его друзья, среди которых Пушкин, Вяземский, радовались дипломатическим, государственным успехам Грибоедова: вчера – в крепости, сегодня – полномочный министр…

Царь внешне оценил заслугу дипломата, назначив его полномочным министром в Персию, но Грибоедов ясно понимал истинную цену царской награды. Его письма к друзьям исполнены мрачных предчувствий, назначение в Персию он рассматривает как «политическую ссылку», как «чашу страданий», которую ему предстоит испить. Близкие люди вспоминали потом, что Грибоедов имел дурные предчувствия: «Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей».

В Персии он успевает сделать много полезного, действуя энергично и настойчиво. Это не устраивает врагов России. 30 января 1829 года толпа фанатично настроенных персов нападает на русское посольство и учиняет разгром, совершенный с беспощадной жестокостью. Среди убитых и растерзанных толпою – Александр Сергеевич Грибоедов.

Грибоедова похоронили в Тифлисе. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» так описывает последнюю встречу: «Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. „Откуда вы?“ – спросил я их. „Из Тегерана“. – „Что вы везете?“ – „Грибоеда“. Это было тело убитого Грибоедова, которое препроводили в Тифлис… Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна». На его могиле надпись – слова жены, Нины Чавчавадзе, дочери известного грузинского поэта Александра Чавчавадзе: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Главное дело жизни Грибоедова, комедию «Горе от ума», А. Блок назвал «гениальнейшей русской драмой». Нет точных данных о времени возникновения замысла комедии. Предположительно идея родилась в 1816 году. С 1822 по 1824 годы продолжается работа над пьесой. Закончив «Горе от ума», Грибоедов приложил немало усилий, чтобы напечатать комедию, но ему это не удалось. Была запрещена цензурой и постановка пьесы.

Но несмотря на препятствия, комедия стала широко известна,

она разошлась в списках, вызывая восторг и восхищение. Некоторые современники Грибоедова утверждали, что в России находилось более сорока тысяч списков произведения. В своих воспоминаниях о поездке к Пушкину в Михайловское Пущин пишет: «Я привез Пушкину в подарок „Горе от ума“; он был очень доволен этой тогда рукописной комедией».

Разрешена к печати с цензурными вырезками комедия была лишь в 1831 году.

Горе от ума. *Комедия в четырех действиях, в стихах. В сокращении*

Действующие лица

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.

Софья Павловна, его дочь.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молодая дама, **Платон Михайлович**, муж ее – **Горичи**.

Князь Тугоуховский и

Княгиня, жена его, **с шестью дочерями**.
Графиня бабушка, Графиня внучка – Хрюмины.
Антон Антонович Загорецкий.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.
Г. Н.
Г. Д.
Репетилов.
Петрушка и несколько говорящих слуг.
Множество **гостей** всякого разбора и их **лакеев** при разъезде.
Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

Вопросы и задания

1. Прочитайте список действующих лиц. Что вы узнаете из него о героях пьесы? Что «говорят» о персонажах комедии их фамилии?
2. Почему список действующих лиц часто называют афишей?
3. Объясните последовательность расположения героев в афише.

Действие I

Явление 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортепияно с флейтою, которые потом умолкают.

Лиза середи комнаты спит, свесившись с кресел.

(*Утро, чуть день брезжится.*)
Лизанька (*вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается*)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать – отказ.
«Ждем друга». – Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им…

(*Стучится к Софии.*)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за́ ночь.
Вы глухи? – Алексей Степаныч!
Сударыня!.. – И страх их не берет!

(*Отходит от дверей.*)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!

(*Опять к дверям.*)

Да расходитесь. Утро. – Что-с?

(*Голос Софии*)

Который час?

Лизанька

Все в доме поднялось.

София (*из своей комнаты*)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София (*оттуда же*)

Неправда.

Лизанька (*прочь от дверей*)

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю, будет гонка,
Заставлю их играть.

(*Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.*)
<…>

Явление 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас Бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг, нельзя ли для прогулок

Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! – Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А все Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас Творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут…

София (*сквозь слезы*)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять

В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем;
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин…
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь…

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по лета́м,
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содейство;
И будь не я, коптел бы ты в Твери. <…>

(*Молчалину.*)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для докладу,

Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(*Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.*)

Явление 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

София

Что́ мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор…
Ты можешь посудить… <…>

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во́ веки веков.

Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами, да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну, разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он балы;
Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, —
Мне все равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится…

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех. <…>
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко…
Охота странствовать напала на него,

Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко? <…>

Явление 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног.

(*С жаром целует руку.*)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни на́ волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся, ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы рады? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь.
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! —
Ах! Боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнем, что скрипнет столик, дверь…

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд…

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался – успел, а тот дал промах.
Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,

В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен! <…>
Вот новости! – я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных.*

София (*в сторону*)

Не человек, змея! <…>

Вопросы и задания

1. Попытайтесь словесно нарисовать первые сцены пьесы. Как выглядит гостиная? Какими вы представляете себе героев в момент их появления?

2. Найдите завязку комедии. Определите, какие сюжетные линии намечаются в первом действии.

3. Каковы ваши первые впечатления о Молчалине? Обратите внимание на ремарку в конце четвертого явления первого действия. Как вы можете ее объяснить?

4. Как Софья и Лиза оценивают Чацкого?

5. Как проявляется характер Софьи в первом действии? Как воспринимает Софья насмешки над людьми ее круга? Почему?

Действие II

Явление 1

Фамусов, слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день… Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторши, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.

Явление 2

Фамусов, слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка. <…>

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я, во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! В сорок пуд…
Раскланяйся, тупеем не кивнут.
Вельможа в случае, тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На ку́ртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкий;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго́рядь – уж нарочно,

А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему смышлен:
Упал он больно, встал здорово.
За то бывало в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, – нутка!

Чацкий

И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом;
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Все под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха:
Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок,
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: Ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! Боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет…

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам…

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам. <…>

Явление 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее… <…>

(*Садятся все трое, Чацкий поодаль.*)
Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно,
Спасибо научил двоюродный ваш брат,
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служа́щие чужие очень редки;
Все больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,

Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок;
Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть – так хват;
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. – читать!.. а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты:
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты. <…>

Фамусов

И славно судите, дай Бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячи две родовых, —
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в се́мью не включат. На нас не подиви.
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать, – изволь;
Дверь отперта для званных и незванных,
Особенно из иностранных;

Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнехонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей – сынков и вну́чат,
Журим мы их, а если разберешь,
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички? – Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово – приговор,
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их… беда!
Не то, чтоб новизны вводили, – никогда,
Спаси нас Боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и… разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке – по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдется дело.
А дамы? – сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай Бог терпение, ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, всяк голову повесь,
Его величество король был прусский здесь;
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой;
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли кряхтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы́, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов (*Чацкому*)

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.

(*Скалозубу*)

Позвольте, батюшка. Вот-с Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти: так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой;
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом…

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все так же осуждают.

Чацкий

А судьи кто? За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забыты́х газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли вы, к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот еще, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожи́ли до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется: враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;

Или в душе его сам Бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и
прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!! —
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали,
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали! <…>

Вопросы и задания

1. Какой конфликт зарождается во втором действии? Когда и как это происходит?

1. Сопоставьте монологи Чацкого и Фамусова. В чем заключается сущность и причина разногласий между ними?

Действие III

Явление 1

Чацкий, потом **София**.

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви, играть ей в жмурки,

А мне…

(*Входит София.*)

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал. <…>
Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! Боже мой! весь свет. <…>
Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы…

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например…

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий (*держит ее*)

Постойте же.

(*В сторону.*)

Раз в жизни притворюсь.

(*Громко.*)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может, он не то, что три года назад;
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иный по армии, иный плохим поэтом,
Иный… Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
Душою – вы, вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно смирен, все такие не резвы;
Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее;
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос;

Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по́ свету, забыться и развлечься.

София (*про себя*)

Вот нехотя с ума свела! <…>

Явление 3

Чацкий, потом **Молчалин**.

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

(*Входит Молчалин.*)

Вон он на цыпочках, и не богат словами,
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(*Обращается к нему.*)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за́ день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех…

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются;
А люди могут обмануться. <…>

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв… <…>

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это полно та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, притом
Чиновные и должностные
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там

Мы покровительство находим, где не метим. <…>
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых. <…>

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты;
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий (*почти громко*)

С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

Явление 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии.

В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, **слуги** суетятся; **один из них**, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей! <…>

Явление 10

Те же и **Хлёстова**.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница, мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь – светопреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку.
Вели их накормить, ужо, дружочек мой;
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(*Села.*)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! Все ко́шачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же Господь такое племя!
Черт сущий; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с; в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят напоказ…
Я слышала, там… город есть турецкий…
А знаешь ли, кто мне припас?
Антон Антоныч Загорецкий.

(*Загорецкий выставляется вперед.*)

Лгунишка он, картежник, вор.

(*Загорецкий исчезает.*)

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмарке достал;

Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай Бог ему здоровье!

Чацкий (*с хохотом Платону Михайловичу*)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал. <…>

Явление 12

Те же и **Скалозуб**, потом **Молчалин**.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(*Подводит к Хлёстовой.*)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова (*сидя*)

Вы прежде были здесь… в полку… в том…
в гренадерском?

Скалозуб (*басом*)

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.

(*Его и князя уводит с собою.*)
Хлёстова (*Софии*)

Ух! Я точнехонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец;
Дался ему трех сажень удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин (*подает ей карту*)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(*Встает.*)
Молчалин

Ваш шпиц – прелестный шпиц; не более наперстка,
Я гладил всё его; как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(*Уходит, за ней Молчалин и многие другие.*)

Явление 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит,
Тут в пору карточку вотрет,
В нем Загорецкий не умрет!..
Вы давиче его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? Да?

(*Уходит.*)

Явление 14

София, потом **Г. Н**.

София (*про себя*)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол! <…>
Он не в своем уме.

Г. Н.

Ужли с ума сошел?

София (*помолчавши*)

Не то, чтобы совсем…

Г. Н.

Однако есть приметы?

София (*смотрит на него пристально*)

Мне кажется.

Г. Н.

Как можно в эти леты!

София

Как быть!

(*В сторону.*)

Готов он верить!
А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить? <…>

Явление 21

Те же и **Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб**, потом **Фамусов** и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! Да как проворно!
Ты, Софья, слышала?
Платон Михайлович
Кто первый разгласил?
Наталья Дмитриевна
Ах, друг мой, все!
Платон Михайлович
Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов (*входя*)

О чем? о Чацком, что ли?

Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я: он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.
Графиня внучка
Меня модисткою изволил величать!
Наталья Дмитриевна
А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему. <…>

Фамусов

…Ученье – вот чума, ученость – вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их;
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:

Там упражняются в расколах и в безверьи,
Профессоры!! – У них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был ценсором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль,
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин,
Был острый человек, имел душ сотни три. <…>

Явление 22

Те же все и **Чацкий**.

Фамусов

О Господи! помилуй грешных нас!

(*Опасливо.*)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди́ от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(*Подходит к Софье.*)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой. <…>

София (*Чацкому*)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначущая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды…
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон

Тоска, и оханье, и стон:
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержён.
Куда деваться от княжён! —
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад,
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев;
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ,
Хотя по языку, нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным, странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли *сударыня*!!» – забормотал мне кто-то…
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«*Сударыня*! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!»
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург, во всей России то,
Что человек из города Бордо,

Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжён вселять участье;
И в Петербурге, и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей по несчастью голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,
Глядь…

(*Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.*)

Вопросы и задания

1. Каким обнаруживает себя Молчалин во время диалога с Чацким? Как он себя ведет и что дает ему право так себя вести?
2. Почему возникла и распространилась сплетня о сумасшествии Чацкого? Почему гости Фамусова так охотно поддерживают эту сплетню?

1. Каковы нравственные и жизненные идеалы фамусовского общества?
2. Объясните смысл и определите значение монолога Чацкого о французике из Бордо.

Действие IV

Явление 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал. Ах, мой Создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher![18]
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас… растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,

Хвать, об порог задел ногою,
И растянулся во весь рост.
Пожалуй, смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня Господь…

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга…

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! – всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче, например?

Репетилов

Что́ ночь одна, не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.
Пожалосто молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз…

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;

Поедем-ка сейчас; мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!! уж на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! Сок умной молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы! у нас… решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим – подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только? <…>

Явление 13

Те же, кроме **Молчалина**.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!

Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд:
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София (*вся в слезах*)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! Боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка, вот будет благодарен.

Явление 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа **слуг** со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать, ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало я с дражайшей половиной
Чуть врознь: уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся Бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий (*Софии*)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в избу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
Еще дни два терпение возьми;
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что чай ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий (*после некоторого молчания*)

Не образумлюсь… виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями… чего-то ожидаю.

(*С жаром.*)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о Боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки, всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек,
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(*Насмешливо.*)

Вы помиритесь с ним, по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей.
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой, и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь, и на отца,
И на любовника глупца,

И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы пра́вы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!

(*Уезжает.*)

Явление 15

Кроме **Чацкого**.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец.

Вопросы и задания

1. Критики заметят, что не только общественный порыв Чацкого, но и болтовня Репетилова могут быть поняты как

авторский взгляд на декабризм. Зачем введен в комедию Репетилов? Как вы понимаете этот образ?

⏩1. Почему литературовед А. Лебедев называет молчаливых «вечно молодыми старичками российской истории»? Каково истинное лицо Молчалина?

⏩⏩1. В чем заключается развязка общественного конфликта пьесы? Кто же Чацкий – победитель или побежденный?

Вопросы и задания ко всему тексту комедии «Горе от ума»

⏩1. Найдите в тексте цитаты, характеризующие героев пьесы.

2. Б. Голлер в статье «Драма одной комедии» пишет: «Софья Грибоедова – главная загадка комедии». С чем, по вашему мнению, связана такая оценка образа?

3. Вспомните закон трех единств (места, времени и действия), характерный для драматического действия в классицизме. Соблюдается ли он в комедии?

4. Познакомьтесь с различными оценками образа Чацкого. Пушкин: «Первый признак умного человека – с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми…»

Гончаров: «Чацкий положительно умен. Речь его кипит остроумием…»

Катенин: «Чацкий – главное лицо… он говорит много, бранит все и проповедует некстати».

Почему столь по-разному писатели и критики оценивают этот образ? Совпадает ли ваш взгляд на Чацкого с приведенными мнениями?

⏩⏩1. Грибоедов сначала назвал свою пьесу «Горе уму», затем изменил название на «Горе от ума». Какой новый смысл появился в окончательном варианте по сравнению с первоначальным?

2. Грибоедов писал Катенину: «В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека». Как решается проблема ума в комедии? На чем построена пьеса – на столкновении ума и глупости или на столкновении разных типов ума?

3. Прочитайте критический этюд И. А. Гончарова «Мильон терзаний». Ответьте на вопрос: почему «Чацкие живут и не переводятся в обществе»?

4. Пушкин в письме к Бестужеву писал о языке комедии: «О стихах я не говорю: половина – должна войти в пословицу». В чем заключается новаторство языка комедии Грибоедова? Сравните язык комедии с языком писателей и поэтов XVIII века. Назовите фразы и выражения, ставшие крылатыми.

5. Как вы думаете, почему Грибоедов считал свою пьесу комедией?

О романтизме

Романтизм – литературное направление, границы которого охватывают примерно конец XVIII – середину XIX века. Влияние романтизма было широким: оно распространялось в Европе и Америке не только на искусство, но и на философию, историю и даже многие отрасли естественных наук. Его отзвуки живут в современном искусстве, в быту. Так, каждому известно слово «романтик» в значении «отрешенный от окружающей действительности человек».

Если классицизм был предельно рационалистичен, то романтизм отвергал даже попытку рациональных решений в любом вопросе. Он всегда противопоставлял возможное действительному. Так вспоминал о своей романтической юности Ф. Шеллинг: «Прекрасное было время… Человеческий дух был раскован: считал себя вправе всему существующему противополагать свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, но о том, что возможно…»

Присущий романтизму протест против окружающего имел конкретные впечатляющие формы. Яркими и выразительными были его сюжеты, его герои, обстановка, в которой они действовали, даже сам язык повествования. Герой не преклонялся перед миром природы. Он и его хотел преобразовать: отсутствие гармонии в мире порождает противоречия между миром и человеком, противоречия в духовном мире самого человека.

Романтизм отличало двоемирие, то есть убеждение в том, что мир мечты и реальный мир сосуществуют и неизбежно сталкиваются в непримиримых противоречиях. Обращаясь к истории человечества, романтики видели ее как историю борьбы Добра и Зла. Они отчетливо воспринимали движение человеческой истории, благодаря чему им удалось привнести в литературу принцип историзма. История – это непрерывный процесс, в котором неразрывно соединяются прошлое, настоящее

и будущее. В жанре исторического романа, созданном Вальтером Скоттом, эти неразрывные связи очевидны.

В русской литературе романтизм получил признание после Отечественной войны 1812 года. Сам термин «романтизм» впервые употреблен в России в 1816 году П. А. Вяземским. Острый интерес писателей-романтиков к народному творчеству способствовал изучению и собиранию произведений фольклора. В эти годы была найдена рукопись «Слова о полку Игореве», печатались записи былин и исторических песен, появились романы, посвященные событиям и героям русской истории (М. Н. Загоскин).

В русской музыке и живописи также появились имена, прочно связавшие себя с романтическим искусством. Это А. Н. Верстовский, А. А. Рубинштейн, О. А. Кипренский, И. К. Айвазовский.

Вопросы и задания

▸1. В чем состоит принципиальное отличие романтизма от классицизма?

▸▸1. Какие значения слова «романтизм» вам знакомы?

2. Какие художественные приемы очень часто используются в описаниях романтических героев?

3. Какие названия баллад Жуковского кажутся вам характерными для романтических произведений? Попробуйте объяснить ваши соображения. Напоминаем некоторые названия: «Людмила», «Кассандра», «Светлана», «Ахилл», «Ивиковы журавли», «Эолова арфа», «Лесной царь», «Роланд-оруженосец».

4. У Жуковского есть баллада с очень длинным названием, которая была запрещена цензурой. Внимательно прочтите это название и подумайте, чем был вызван этот запрет: «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди». Прочитав балладу и повесть Н. В. Гоголя «Вий», вы сможете сравнить сюжеты этих произведений.

5. Выберите слова, которые, на ваш взгляд, встречаются в романтических произведениях: *битва, благоденствие, бой, счастье, сражение, блаженство, побоище, благо, сеча, благополучие.* Ответ обоснуйте.

▸▸▸1. Какие произведения писателей, которых вы назвали бы романтиками, вам удалось прочитать? Что привлекло вас в этих произведениях?

2. Приведите примеры романтических произведений разных

жанров.

3. Какие признаки романтизма вы считаете ведущими?

4. Почему именно с романтизмом связано активное изучение фольклора?

5. Какие жанры фольклора изучались писателями-романтиками особенно активно? Чем вы это можете объяснить?

6. Какие прочитанные вами исторические романы вы можете отнести к этому литературному направлению?

7. Известны ли вам романтические произведения в современной художественной литературе?

8. Создаются ли в настоящее время романтические произведения? Можно ли отнести к ним популярные произведения в духе «фэнтези»? Каких писателей – создателей «фэнтези» вы знаете?

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

А. С. Пушкин

Вот как начинает повествование о Жуковском в своем замечательном биографическом романе Борис Зайцев: «Ока берет начало несколько южнее Орла… На полпути между Орлом и Калугою протекает через уездный городок Белев… Ничего выдающегося, но хороший край, Окою украшенный… В необъятной России как бы область известной гармонии – те места Подмосковья, орловско-тульско-калужские, откуда чуть не вся русская литература и вышла.

А всего в трех верстах от Белева, в том же соседстве Оки, неторопливо-прозрачной, село Мишенское, в конце XVIII века принадлежавшее Афанасию Ивановичу Бунину, одно из многих его поместий. Все здесь широкого размаха: огромный дом с флигелями, оранжереи, пруды, парк, роща дубовая… Просторная, бессвязная, во многом бестолковая помещичья жизнь».

Василий Андреевич Жуковский был внебрачным сыном Бунина и пленной турчанки Сальхи, которую привез в поместье один из воинов: воин принадлежал Бунину, а пленная турчанка – воину. Он и передал ее хозяину, и молодая женщина стала няней младших дочерей помещика, а потом и матерью незаконного сына.

В доме Буниных устраивались литературно-музыкальные вечера. Известно, что зимой 1795 года, когда Васе было 12 лет, на домашней сцене была поставлена написанная им пьеса «Камилл, или Освобожденный Рим», в которой он был и автором, и режиссером, и актером.

Но вот Жуковский – ученик Благородного пансиона при Московском университете (1797–1800). Он выбирает себе гуманитарные предметы, становится председателем

литературного общества, на заседания которого приходили и знаменитые литераторы: Карамзин, Дмитриев.

Среди богатых и знатных по своему происхождению однокашников он, казалось бы, должен был потеряться. Но этого не происходило: чувство такта, умение расположить к себе людей жило в юноше с малых лет. Товарищи его любили, а он умел себя поставить доброжелательно и независимо: духовная его одаренность всеми не только признавалась, но и ценилась. Он был из тех редких людей, доброжелательность которых вызывает столь же ясное и открытое чувство у окружающих.

«Его первые шаги в литературе не были трудны. Печататься начал очень рано, с четырнадцати лет, и без усилий, – пишет Б. Зайцев. – Он возрастал в тишине и труде, в воздухе культуры, любви к поэзии». Окончив с блеском пансион, Жуковский вынужден занять должность канцелярского служащего, но все свои силы и досуг отдает литературе. И вот в лучшем журнале той поры, который издавал Карамзин, появляется его стихотворение «Сельское кладбище» (1802) – перевод элегии английского поэта Т. Грэя, затем другие стихи.

Теперь он признан как замечательный поэт. Очень скоро Жуковский становится другом и помощником молодых поэтов, и в первую очередь юного Пушкина. Всем сверстникам были памятны дружелюбные строки, которые Пушкин написал на двери комнаты Жуковского, – это «Записка к Жуковскому».

Штабс-капитану, Гёте, Грею,
Томсону, Шиллеру привет!
Им поклониться честь имею,
Но сердцем истинно жалею,
Что никогда их дома нет.

1810–1820-е годы – расцвет творчества поэта. Его «стихов пленительная сладость» вызывала благодарный отклик современников. Лирика, баллады, переводы были популярны: его называли «балладником», он был бесспорным мастером перевода. О своем творчестве Жуковский писал: «У меня почти все или чужое или по поводу чужого, и все, однако, мое».

Активное участие в судьбах окружающих людей, мгновенный отклик на чужую беду у него неразрывно связаны с чувством любви к природе, к родине и ее заботам. Стоит назвать его «Певца во стане русских воинов» – произведение, которое воспевает героев Отечественной войны 1812 года. Десятилетия в стране исполнялся гимн России, слова которого были созданы Жуковским.

С 1826 года он становится воспитателем будущего царя Александра II и занимает это место в течение пятнадцати лет. Стремление воспитать в детях из царской семьи любовь к труду вызывало понимание у царственных родителей: на одном из островков на прудах Царского Села дети своими руками построили небольшой, но настоящий жилой кирпичный дом и сами следили за посаженным ими садом. Став взрослыми, они установили на этом острове бюст Жуковского.

В. Г. Белинский писал, что: «Жуковский имеет великое исторические значение для русской поэзии вообще: одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, он сделал ее доступною для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина…»

Дружба с Пушкиным порождала своеобразные состязания: так появились две «Спящие царевны», «Сказка о царе Берендее…» и «Сказка о царе Салтане…».

Разговор о жизни Жуковского будет неполным, если не вспомнить о том, как много людей было обязано его хлопотам: он часто поддерживал Пушкина, помог спасению Тараса Шевченко из крепостной неволи и заботился о смягчении участи многих терпевших бедствия людей.

Человек тонко и чутко чувствующий, Жуковский, выросший под звуки громкой лиры Державина, более сочувственно откликался на звуки сентиментальных произведений, но сам-то был, бесспорно, романтиком.

Неудовлетворенность реальной действительностью, стремление противопоставить ей воображаемый мир, полный таинственного и чудесного, – вот что живет в лирике Жуковского, в его стихах, балладах, сказках и переводах.

Среди многочисленных баллад Жуковского, которые были чрезвычайно популярны у читателей той поры, особую роль играла баллада «Светлана». «Критики того времени, – как писал Белинский, – титуловали Жуковского певцом Светланы». В дружеском обществе «Арзамас», в котором он был вместе с Пушкиным, его единогласно именовали «Светланой». Пушкин берет слова из этой баллады как эпиграф к одной из глав «Евгения Онегина», о ней вспоминает и в строках романа, когда говорится о Татьяне («Та, которая грустна и молчалива, как Светлана»)…

Наконец, это единственная баллада Жуковского, в которой есть посвящение. Адресат баллады – Александра Андреевна Воейкова, в девичестве Протасова.

Светлана

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: „Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое“».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит…
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!

Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье…
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи…
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит…
Вот… легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами…
Занялся от страха дух…
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:

«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась… милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.
Сели… кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут… пусто все вокруг;
Степь в очах Светланы,
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий…
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На средине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»

Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчалися… и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться – следу нет…
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит…
Дверь шатнулася… скрыпит…
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой…
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,

Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Все утихло… вьюги нет…
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится…
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье…
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье…
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло все опять кругом…
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится…
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг… в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы…
Что же девица?.. Дрожит…
Гибель близко… но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крилы;
К мертвецу на грудь вспорхнул…
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами…
Снова бледность на устах;

В закатившихся глазах
Смерть изобразилась…
Глядь, Светлана… о Творец!
Милый друг ее – мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит… Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий…
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе, вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет…
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.

Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

* * *

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей —
Вера в провиденье.
Благ Зиждителя закон:
Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана…
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа – как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

Вопросы и задания

▶1. Подготовьте краткий (сюжетный) пересказ баллады, определив завязку, кульминацию, развязку.

2. Вспомните описание девичьих гаданий в крещенский вечерок. Какие из них вам особенно запомнились?

3. Попробуйте рассказать о героине баллады – Светлане, о ее подругах, женихе. Какой из этих рассказов получился более обстоятельным и подробным? Почему?

▶▶1. Опишите картины зимнего пейзажа в балладе. Какие строки отвечают настроению и состоянию героини?

2. Какие художественные средства (сравнения, эпитеты, метафоры) чаще всего используются в балладе?

3. Чем можно объяснить плясовой характер звучания стиха? Какой стихотворный размер использован?

4. Найдите в балладе строки, исполненные шутливости и веселья. Как вы объясняете их появление в балладе?

▶▶▶1. Рассмотрите рисунки Жуковского. Что в них напоминает пейзажи баллады?

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть.

А. Н. Островский

Трудно дать очерк жизни и творчества гения. Однако представить себе его путь, подумать о делах и днях человека такой яростной жизненной силы и талантливости – поучительное и интересное дело. Внимательно отнесемся к фактам биографии Александра Сергеевича Пушкина, который был гениален не только как автор художественных произведений, но и просто как человек удивительной жизненной энергии.

Детство. «Он был человек без детства», – утверждают многие биографы: в его стихах часто говорится о любимой нянюшке, но нет упоминаний ни об отце, ни о матери. В семье Пушкиных, как и во многих дворянских семьях в ту пору, детей передоверяли крепостным слугам, а более всего иностранным воспитателям. Свободное владение французским языком, ранняя начитанность, широта общекультурных интересов шли от семьи, от быта родного дома. Первые «пьесы», в которых пятилетний автор подражал Мольеру, были сочинены на французском языке.

Лицей (1811–1817). Он оценивал себя в лицейские годы достаточно честно:

Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив…

Почти наверняка вы слышали строки из «Евгения Онегина»:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил…

След от событий и впечатлений лицейских лет останется в

замечательном цикле произведений, посвященных годовщине открытия Лицея – 19 октября.

Петербург (1817–1820). Столичная жизнь поэта была бурной и насыщенной. «Свободный, смелый дар» поэзии реализовался. Бесстрашие юного Пушкина неоспоримо.

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон…

Ода «Вольность». 1817 год

Строки стихов обличали, они были не только политически острыми и запоминающимися – они приобретали опасную популярность. Поведение поэта раздражало власть, становилась неизбежной его ссылка. Заботы друзей помогли заменить суровую Сибирь далеким и неустроенным в те поры югом.

Южная ссылка. Кишинев, Одесса (1820–1824). К этим годам обычно относят и те недели, которые он провел до Кишинева в семье Раевских на Кавказе и в Крыму. «Счастливейшие минуты моей жизни…» – писал он о них брату. В эти годы формировалась его слава. Романтические поэмы с их необычными героями и драматическими сюжетами волновали читателя. В элегии «Погасло дневное светило…» он преобразил саму ссылку в добровольный побег на палубе таинственного корабля под шум «послушного ветрила».

Михайловское (1824–1826). Два года пребывания в тиши михайловских рощ принесли не только великолепные стихи. Была создана трагедия «Борис Годунов». У «Руслана и Людмилы» появился знаменитый «Пролог» («У лукоморья…») – своеобразная энциклопедия русских народных сказок. Творчество Пушкина в эти годы на пути к реализму.

Последние годы жизни (1826–1837). Расцвет творчества. Торжество реализма. Совершенствование мастерства. Этот огромный период включает события разного масштаба: беседу с Николаем I, который объявил себя цензором поэта, знаменитую Болдинскую осень 1830 года… И постоянное победоносное творчество. Пушкин обращается к различным жанрам, темам, проблемам. В 1831 году у него появилась семья, его женой стала женщина удивительной красоты – Наталья Николаевна Гончарова.

По количеству и размаху завершенных и незавершенных трудов можно судить о вдохновенном напряжении, свойственном

Пушкину, который был «человек в поэзии и поэт в жизни». Щедрый и доброжелательный, он стремился помочь своим собратьям по перу. Вы знаете, что сюжеты и «Ревизора» и «Мертвых душ» были подарены Гоголю Пушкиным.

Творческий подвиг Пушкина – это и тома его произведений, и «толпа образов», россыпь идей и проблем, которые он обозначил для себя и для нас, которые стремился осмыслить, тот ясный взгляд на жизнь, именуемый мудростью. И, что более всего вызывает живой отклик читателей многих поколений, – умение придать мыслям, чувствам, образам такую совершенную форму, которая стала синонимом красоты, совершенства, художественного идеала.

Все произведения, все события творческой жизни А. С. Пушкина значительны. Чтобы показать масштаб личности поэта и писателя, убедиться в неповторимой яркости индивидуальности и неистощимом запасе жизненных сил, можно обратиться к одному из периодов его жизни – **Болдинской осени 1830 года.** Она длилась три месяца – с 3 сентября до 28 ноября 1830 года. Но сколько произведений создано!

Сентябрь. Первым было создано стихотворение «Бесы». Затем еще три стихотворения, две сказки («Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о медведихе»), три повести («Барышня-крестьянка», «Станционный смотритель», «Гробовщик»), главы «Евгения Онегина». В стихотворении «Труд» автор прощается с практически завершенным романом:

> Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
> Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
> Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
> Плату приявший свою, чуждый работе другой?
> Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
> Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Октябрь. Девятнадцать стихотворений, поэма «Домик в Коломне», две повести («Выстрел», «Метель»), драматические сцены («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери»), глава «Евгения Онегина», четыре критических статьи.

Ноябрь. «История села Горюхина», драматические сцены («Каменный гость», «Пир во время чумы»), предисловие к «Евгению Онегину», пять стихотворений.

«Я в Болдине писал, как давно уже не писал…» – извещает он своего друга, вернувшись в Москву. Любимое время года – осень

еще раз порадует поэта. В 1833 году он будет трудиться в Болдине над «Историей Пугачева», напишет «Анджело», «Медного всадника», «Пиковую даму», «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказку о рыбаке и рыбке».

Вопросы и задания

▸1. Пушкин создал два стихотворения с одинаковым названием: «Воспоминания в Царском Селе». Когда он написал первое стихотворение под таким названием? Прочтите его. Как это стихотворение связывается в вашей памяти со знаменитым поэтом XVIII века Державиным?

▸▸▸1. Романтики рассматривали творчество любого поэта как один огромный автобиографический роман. Пушкин стоял в центре интеллектуально-идейной жизни своей эпохи. Могут ли два этих важных соображения дать нам право сказать, что и творчество Пушкина – огромный автобиографический роман, рисующий его эпоху, или такое утверждение требует оговорок и ограничений?

2. Пушкин любил путешествия, поездки. Какие суждения о дороге вы нашли в строках прозы и стихов Пушкина?

3. Проследите за тем, как изменил Пушкин названия своих маленьких трагедий: «Чумный город» – «Пир во время чумы»; «Скупой» – «Скупой рыцарь»; «Зависть» – «Моцарт и Сальери»; «Дон Жуан» – «Каменный гость». Как видим, окончательные названия подчеркивают конфликт. Попробуйте порассуждать на эту тему.

4. По романтическим канонам поэт – «странный человек». Пушкин же пришел к утверждению, что поэт «просто человек». Какое из этих утверждений кажется вам верным? Согласитесь или поспорьте с поэтом.

5. Как вы понимаете суждение: «…Пушкин обладал активным, одухотворяющим окружающую жизнь гением: он не подчинился окружающему, а преобразовал его»?

6. Прав ли исследователь, утверждая, что «…если литература сохранила в обществе свой нравственный авторитет, а читатель XIX века смотрел на писателя как на свою совесть, то в этом – бесспорная историческая заслуга Пушкина»?

Лирика

Поэзия Александра Сергеевича Пушкина многогранна и глубока. К ней мы обращаемся в разные периоды своей жизни, каждый раз черпая из нее вечные истины, обогащая свой эмоциональный мир, постигая истинную красоту русского поэтического слова.

В статье «О назначении поэта» А. А. Блок писал: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни… Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не легкая и не веселая; она трагическая; Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер…

Мы знаем Пушкина – человека, Пушкина – друга монархии, Пушкина – друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин – поэт.

Пушкин – величина неизменная. Могут устареть его язык, его приемы; но сущность его дела не устареет».

Храни меня, мой талисман…

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило…
Оно сокрылось, изменило…
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

В годы южной ссылки, когда Пушкин был в Одессе, он познакомился с женой одесского губернатора Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

Перед расставанием в знак их любви Елизавета Ксаверьевна подарила поэту старинный перстень-талисман. В ответ родилось стихотворение «Храни меня, мой талисман…».

В начале октября 1824 года Пушкин получил от Елизаветы Ксаверьевны письмо. Листок почтовой бумаги представлял для Воронцовой опасность, Александр Сергеевич сжигает его. А через несколько месяцев, в начале 1825 года, поэт создает элегию «Сожженное письмо».

Сестра поэта О. С. Павлищева вспоминала, что, когда в Михайловское приходило из Одессы письмо с печатью, украшенною такими же знаками, какие находились на перстне ее брата, Александр запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал.

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела…
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет…
Минуту!.. вспыхнули… пылают… легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит… О провиденье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют… Грудь моя стеснилась. Пепел милый,

Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди…

Вопросы и задания

1. Проследите, как меняются оттенки настроений лирического героя в то время, как горит сжигаемое письмо. Какое чувство остается при этом неизменным?

2. Какими словами переданы движения души поэта, какие интонации используются? Прокомментируйте, какова роль приема непосредственного обращения автора к горящему письму.

1. Понаблюдайте над особенностями звукописи в этом стихотворении. Какие звуковые сочетания наиболее часты, как они влияют на тональность стиха, передачу внутреннего состояния лирического героя, как воздействуют на восприятие стихотворения читателем?

2. Почему в этом грустном, даже трагическом стихотворении вдруг появляется слово «отрада»? Можно ли найти в нем еще какие-либо проблески светлой печали?

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Вопросы и задания

▸1. На какие три части распадается стихотворение? Определите эти части.

2. Каким настроением проникнуты стихи первой строфы?

3. Как меняется настроение второй части стихотворения?

4. Каков лейтмотив третьей части стихотворения?

▸▸1. Какие слова-символы выражают гражданские устремления поэта?

2. Как понимаете вы слова этого стихотворения «души прекрасные порывы»?

▸▸▸1. Сопоставьте стихотворение с другими стихотворениями поэта близкой тематики.

2. Что отличает это послание от других посланий поэта, которые вы знаете?

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,

Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал… я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован[19],
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы…[20]
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,[21]
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Мир опустел… Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:

Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Вопросы и задания

1. Что привлекает поэта в картине моря?
2. Почему он называет море «свободной стихией»?
3. Сопоставьте начало и конец стихотворения. Что общего в их содержании и стиле?

1. Какую роль в изображении моря играют, например, архаизмы, анафоры[22]?
2. Почему море названо «свободной стихией»?

1. Как в строках этого стихотворения связаны с образом моря имена Байрона и Наполеона?
2. Какую роль в стихотворении играет контракт «свободной стихии» и «неподвижного брега»?

Осень. *Отрывок*

Чего в мой дремлющий
тогда не входит ум?[23]

Державин

I

Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает

В отъезжие поля[24] с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армадами[25] младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь;

Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолий открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит – то яркий свет лиет,
То тлеет медленно – а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в, голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?……
…….
……

Вопросы и задания

▸1. Почему поэт выделяет только одно время года – осень? Чем привлекает она поэта?

2. Как поэт рисует каждое из времен года? Как объяснить, почему вслед за осенью идут строки о весне?

3. Воспроизведите картину осени, следуя за строками стихотворения.

▸▸1. Каким стихотворным размером написано произведение?

2. На какие две части делится стихотворение? Определите содержание каждой из них.

3. Какие художественные приемы поэт использовал для создания любимого времени года?

▸▸▸1. Как вы объясните, почему поэт дал стихотворению подзаголовок «Отрывок»?

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим[26]
На перепутье мне явился.
Перстами[27] легкими как сон
Моих зениц[28] коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,

И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом[29] жги сердца людей».

Вопросы и задания

1. Как вы объясните название стихотворения?
2. Почему автор считает поэта пророком? В чем он видит его силу?
1. Объясните обилие устаревшей лексики (архаизмы, старославянизмы) в строках стихотворения.
1. Какую роль отводит автор поэту?

Светлое начало свойственно Пушкину в восприятии жизни во всей ее сложности и многогранности.

Если жизнь тебя обманет…

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Как и всякий поэт, Пушкин размышляет о поэзии, судьбе

поэта, его назначении в обществе, источниках творчества.

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы…

Вопросы и задания

▸1. Какова основная тема этого стихотворения? Почему Пушкин обращается к образу античного бога Аполлона, покровителя искусства?

▸▸▸1. Какой предстает в этом стихотворении личность поэта, каковы истоки его творчества?

Я памятник себе воздвиг нерукотворный…

Exegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Вопросы и задания

▸1. Какие темы раскрываются в этом стихотворении?

2. В чем видит Пушкин свою заслугу как поэта перед обществом? Найдите в тексте слова и выражения, в которых он определил значение своего творчества.

▸▸1. В каком значении употреблены слова «лира», «язык»?

2. Как вы понимаете выражение «нерукотворный памятник»? В чем смысл противопоставления его Александрийскому столпу?

3. Найдите в тексте архаизмы, объясните их роль в стихотворении. Почему Пушкин активно вводит их в свои поэтические рассуждения?

4. Обратите внимание на эпитеты к словам «памятник», «тропа», «глава», «лира», «чувства», «век». Раскрывают ли они чувства и мысли автора?

▸▸▸1. Назовите известные вам стихотворения Пушкина, в которых он размышляет о роли поэта в обществе.

2. Вы уже знакомились с «Памятником» Державина. Сопоставьте державинский и пушкинский тексты. Как развивается тема поэта и поэзии в этих произведениях? Чем разнится позиция авторов в понимании этой темы? Сравните художественные

средства, с помощью которых выражена точка зрения поэтов.

Евгений Онегин

В 1830 году Пушкин завершил работу над романом в стихах «Евгений Онегин» и набросал план его полного издания, где он пометил основные даты своей работы.

«Онегин

Часть первая. Предисловие
I песнь. *Хандра.* Кишинев. Одесса
II – *Поэт.* Одесса. 1824
III – *Барышня.* Одесса. Михайловское. 1824
Часть вторая
IV песнь. *Деревня.* Михайловское. 1825
V – *Именины.* Михайловское. 1825, 1826
VI – *Поединок.* Михайловское. 1826
Часть третья
VII песнь. *Москва.* Михайловское. Петербург. Малинники. 1827, 1828
VIII – *Странствие.* Москва. Павловское. 1829 Болдино
IX – *Большой свет.* Болдино»

Роман в стихах «Евгений Онегин» создавался, как подсчитал Пушкин, 7 лет 4 месяца и 17 дней. Только «Письмо Онегина к Татьяне» было написано после 1830 года и включено в роман 5 октября 1831 года.

Поэт создал произведение о своем времени. События первой главы происходят зимой 1819 – весной 1820 года. Конец романа – март 1825 года.

Глава первая. *В сокращении*

И жить торопится и чувствовать спешит.
Кн. Вяземский. (Строка из стихотворения П. А. Вяземского «Первый снег».)

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог,
Его пример другим наука;
Но, Боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

Перед нами – прямая речь героя романа. Он едет к умирающему родственнику.

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

Во второй строфе мы узнаем имя героя. Появляется и Автор, которому «вреден север» (намек на южную ссылку). «Писано в Бессарабии» – заметка, сделанная Пушкиным на полях.

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

Краткий рассказ о судьбе Онегина: о разорении отца и о том, каким было его воспитание и образование. *Летний сад* до сих пор сохранил свое название и внешний облик. Этот петербургский парк основан Петром I. По утрам он был местом детских прогулок.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как *dandy* лондонский одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал

И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

К слову *dandy* Пушкин сделал примечание: *франт*. В русские словари слово попало лишь в 1847 году.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мненью многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант,
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

Педа́нт – здесь: человек, выставляющий напоказ свои знания, свою ученость, с апломбом судящий обо всем. *Эпигра́мма* – здесь: колкое, остроумное замечание, насмешка, острота.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale,*
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

Автор иронизирует над образованностью Онегина. Однако оценим то, что он знал, что читал и о чем говорил. *Эпи́графы* – здесь: античные надписи на памятниках. Сатирик *Ювена́л,* поэт Виргилий (автор поэмы *«Энеи́да»*) – римские писатели. Словом *vale* обычно заканчивали письма (в переводе: «Будь здоров»).

Слово *анекдо́т* употреблено в значении: забавное происшествие из придворной жизни. *Ро́мул* – легендарный основатель и первый царь Рима (VIII в. до н. э.).

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Произведения греческих писателей *Гоме́ра, Феокри́та* в те времена изучались в учебных заведениях. Английский экономист *Адам Смит* считал, что богатство народа зависит не от количества денег в обращении, а от производительности труда, поэтому источник богатства – земля (см. выделенные слова).

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной…
…….

XV

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Все равно:
Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар,*
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

С XV строфы начинается описание дня Онегина, дня светского франта. Сутки, при всей их пустоте, насыщены до предела. Каждая мелочь в этом описании вводит нас в атмосферу 20-х годов XIX века, в тот особый круг, в котором жил герой. *Боливáр* – шляпа с широкими полями, которая получила свое название по имени Симона Боливара – знаменитого вождя национально-освободительного движения Латинской Америки, кумира европейских либералов. Пушкин и сам одно время носил такую шляпу. *Брегéт* – модные часы фирмы парижского механика Бреге, которые изготовлялись только в одном экземпляре.

XVI

Уж темно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon* помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток;
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Крик *«Пади, пади!»* разгонял пешеходов. Быстрая езда была признаком щегольства. При этом чем меньше был мальчик-форейтор и чем дольше и пронзительней он кричал и тянул при этом «и-и!», тем больше гордился его хозяин. Здесь говорится о блюдах, которыми славились рестораны. *Ро́стбиф* пока непривычен, пишется по-английски, а *стра́збургский «пирог нетленный»* – вовсе не пирог, а паштет из гусиной печени. *«Вино кометы»* – шампанское урожая 1811 года, года кометы.

XVII

Еще бокалов жажда просит

Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat,*
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).
…….

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И взвившись, занавес шумит.
……

Вид театра, который рисует Пушкин (строфы XX–XXII), не похож на сегодняшний: правда, *ложи* расположены, как и сейчас (причем дамы могли находиться только в ложах!). У сцены стояло несколько рядов кресел, а пространство за ними называлось *партером.* Как и на верхнем ярусе (*райке́*), в партере смотрели стоя. Опоздавший Онегин ступает по ногам, смотрит в *«двойной лорне́т»* (бинокль). Ссоры в театре не были редкостью, и из-за них Пушкин не раз участвовал в дуэлях. Перед нами бытовые зарисовки: спящие на одежде *лакеи* (не было гардеробов), *кучера,* мерзнущие на улице, беспечные зрители, которые, как Онегин, уходят, не досмотрев пьесы, и едут готовиться к балу.

XXI

Все хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет сносясь наводит

На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Все видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул…
…….

XXII

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони;
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.
…….

XXV

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.

Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

Петр Яковлевич Чаада́ев – философ, человек трагической судьбы, был известен не только своими взглядами, но и утонченным аристократизмом и щегольством в одежде. Слова *«педант»* и *«франт»* вновь всплывают в характеристике героя. При этом Пушкин дает описание костюма, модных его деталей, новых для русского языка слов и предметов: *панталóны, фрак, жилéт.* В те годы этих слов еще не было в словарях русского языка.

XXVI

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет,*
Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.

XXVII

У нас теперь не то в предмете:
Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал.
……

XXXV

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас.*

Пушкин рисует день *«неугомонного»* Петербурга. *Бумажный колпак хлебника* – колпак из хлопчатобумажной материи, который носил булочник. Написанное курсивом слово *«васисдас»* – игра слов; оно звучит и как форточка по-французски и как жаргонная кличка немца с его постоянным вопросом: «Что это?» – «Was ist das?».

XXXVI

Но, шумом бала утомленный,
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за́ полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

Автор сочувствует человеку, живущему столь однообразной и в то же время пестрой жизнью. Он для него *«мой Евгений»,* друг. В этих строках речь идет и о дружбе, и о том, как велико отличие двух друзей. Факт дружбы Онегина и Автора был важен Пушкину, поэтому по поводу этих строф завязалась переписка о создании иллюстрации. В начале ноября 1824 года он написал брату Льву Сергеевичу: «Брат, вот тебе картинка для Онегина – найди искусный и быстрый карандаш… чтоб все в том же местоположении». Ему было важно, чтобы оба героя были изображены на фоне Петропавловской крепости. Когда А. Нотбек создал иллюстрацию, Пушкин тут же откликнулся эпиграммой:

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись задом о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

XXXVII

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы недолго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
……
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

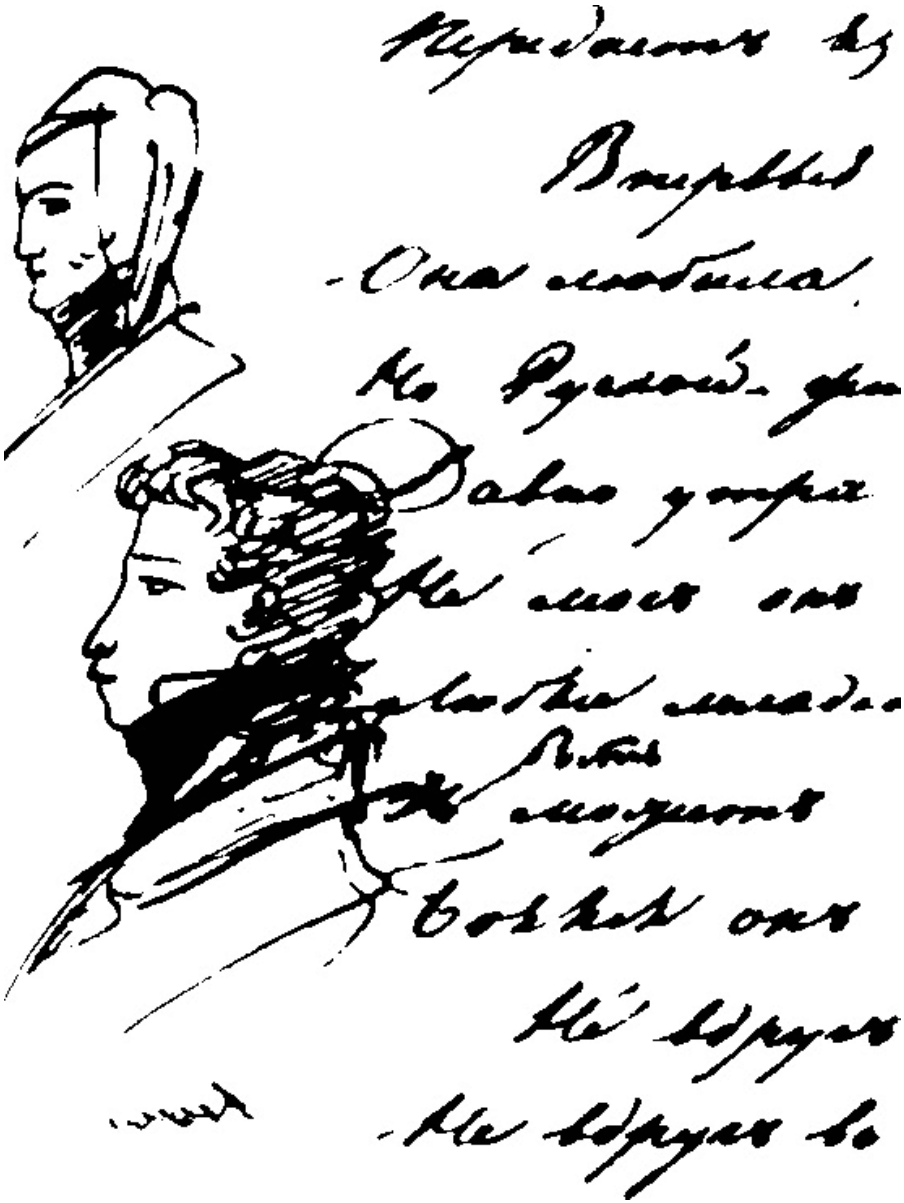
XXXVIII

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,

Подобный английскому *сплину,*
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава Богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
……

XLV

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.
……



XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,

Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

XLVIII

С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит.
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая…
Но слаще, средь ночных забав,
Напев Торкватовых октав!
…….

4
3
2
1

L

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

Привычная формула поговорки *«Брожу над морем, жду погоды»* превращается в небезопасное признание после того, как автор указал, что глава создана в Одессе. Это намек на план бегства за границу, который он вынашивал в южной ссылке.

LI

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
…….

LII

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье

Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

Строфа LII возвращает читателя к самому началу романа. Евгений *«стремглав по почте поскакал»* – поехал на почтовых перекладных лошадях.

LIII

……
Вот наш Онегин сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,

И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

Онегин как хозяин поместий, доставшихся ему по наследству, выглядит достаточно забавно: впечатлений ему хватило лишь на два дня. В словаре синонимов *«скука», «хандра», «сплин», «уныние»* объединены общим значением – тягостное душевное состояние с отсутствием интереса к чему-нибудь.

LIV

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.
……

LVI

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

Вновь и вновь Автор говорит о различии со своим героем. Не менее важно для него и то, чтобы читатель увидел разницу между ним и *«гордости поэтом» Байроном.*

…….

LX

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел все это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
Цензуре долг свой заплачу,
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам:
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Последняя строфа первой главы вводит нас в лабораторию поэта.

Вопросы и задания

▸1. Как объяснить, что в своем плане Пушкин назвал первую главу «Хандра»? Относится ли это название только к состоянию Онегина или оно касается также мыслей и чувств Автора?

2. Перечитайте строфы, которые рассказывают об Онегине. Попробуйте рассказать о том, как вы представляете себе этого героя.

3. Найдите строфы, в которых мы видим Автора и героя вместе. Как вам кажется, в них больше сходства или различия? Ответ обоснуйте.

▸▸1. В первой главе есть многоточия, которые обозначают пропуски строк или строф. Для Пушкина – это композиционный прием, который создает многоплановость художественного пространства текста, помогает переходить от одного эпизода к другому. Проанализируйте этот прием.

2. Строфы романа «Евгений Онегин» одинаковы как по числу строк, так и по их рифмовке. Чередование рифм, избранное Пушкиным в романе, встречается в третьей песне «Руслана и Людмилы». Такая строфа названа «онегинской». Схема ее рифмовки: *абаб ввгг деед жж*. Проверьте это, выбрав любую из строф этой или другой главы.

3. Охарактеризуйте «онегинскую строфу». Как связана ее ритмическая структура с композицией романа?

▸▸▸1. Попытайтесь объяснить заботу Пушкина об иллюстрации к этой главе. Почему он не только создал набросок иллюстрации, но и просил, чтобы художник сохранил точное расположение Онегина и Автора на фоне Петропавловской крепости?

Глава вторая. *В сокращении*

O rus!

Hor.

О Русь!

Первый эпиграф взят из произведения Горация (*Hor.*), что в переводе: «О деревня!» Второй эпиграф принадлежит Пушкину и

создает каламбур – Русь должна предстать перед читателем главным образом как деревня.

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали села; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

Ученые утверждают, что в этой строфе отразились черты пейзажа Михайловского, однако Ю. М. Лотман подчеркивает, что деревня Онегина является художественным образом. *Дриа́ды* – нимфы деревьев.

…….

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал…
…….
По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет, Поклонник Канта и поэт.
…….
В черновом варианте строфы потрет Ленского был более резким:
Красавец в полном цвете лет
Крикун, мятежник и поэт

Он из Германии свободной
[Привез] учености плоды
Вольнолюбивые мечты…

Геттинге́нский университет был одним из самых либеральных в Европе. *Кант Иммануил* – родоначальник немецкой классической философии.

XIII

…….
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

Вторая глава рисует русскую поместную деревню. У героя появляются новые знакомые: друг (*«от делать нечего»)* – сосед *Владимир Ленский, Ольга,* в которую влюблен Ленский, и ее сестра *Татьяна;* родители этих девушек – *помещики Ларины.*

……..

XX

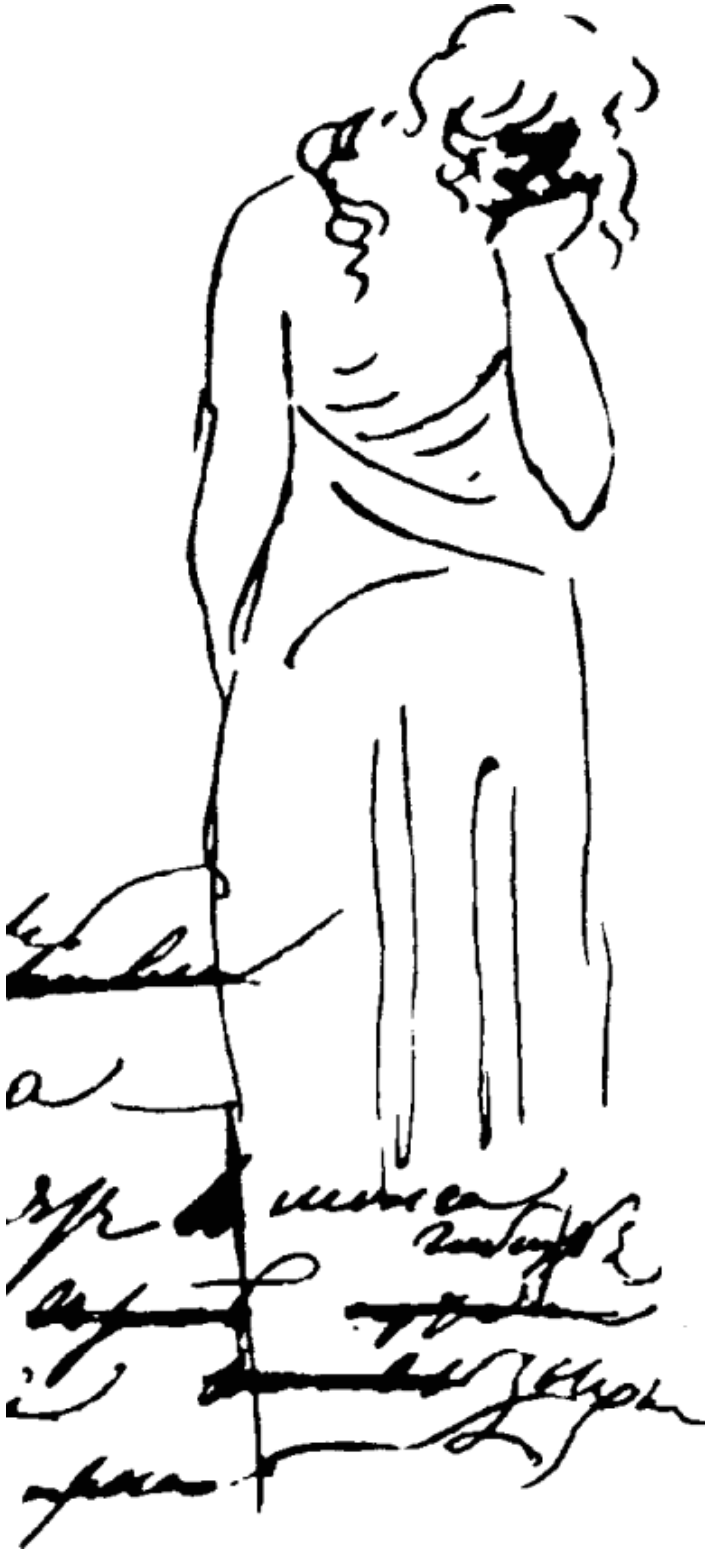
Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена…
……

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда, как утро, весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза, как небо, голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Все в Ольге… но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.
……

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

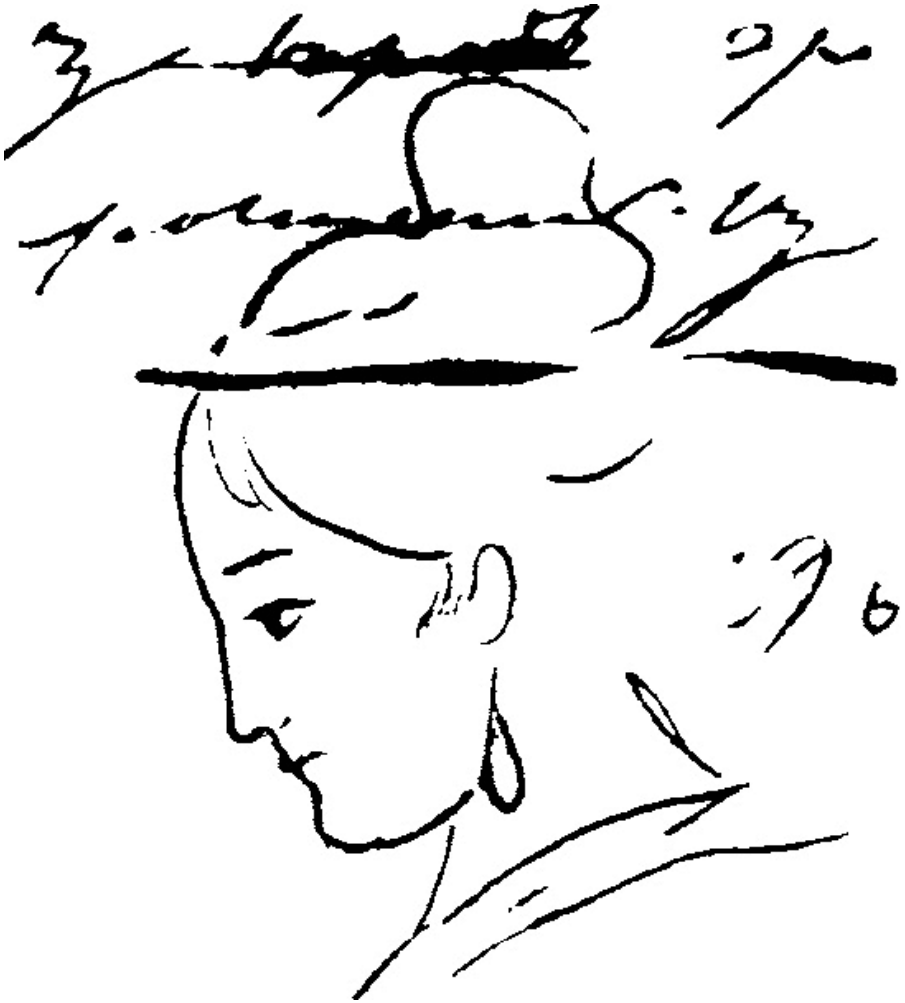


XXVI

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
К приличию – закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.



XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,

Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.
……

XXXV

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

Вопросы и задания

▸1. Вторую главу иногда называют главой контрастов. Контраст Онегина и Ленского, контраст Ольги и Татьяны… Попробуйте доказать, что перед нами герои не только разные, но и резко отличные друг от друга.

2. Желающие могут подготовить по полному тексту главы описание окрестных помещиков: их облика, интересов, развлечений и занятий. Это будет очень выразительный групповой портрет.

Вопросы и задания ко всему тексту романа «Евгений Онегин»

▸1. Общеизвестна формула: «„Евгений Онегин“ – энциклопедия русской жизни». Попытайтесь доказать правоту этого утверждения Белинского.

▸▸1. Пейзаж в романе «Евгений Онегин» занимает важное место и обладает важным свойством – психологизмом. Рассмотрите одно из пейзажных описаний в памятных вам строках и попытайтесь доказать, что они обладают этим свойством.

2. Проследите за метафорами, эпитетами и сравнениями, воспроизводящими мир природы в романе. Подтверждают ли ваши наблюдения вывод о психологизме изображения картин природы в романе?

▸▸▸1. Попробуйте вкратце передать сюжет романа, используя в своем рассказе стихотворные вставки.

2. Рассказывая об Онегине, целесообразно создать его портрет-характеристику или историю его жизни. Решая этот вопрос, нужно помнить, что Онегин в начале романа отличен от того, каким мы видим его в конце.

3. Критик В. Г. Белинский называет Онегина «страдающим эгоистом» и «эгоистом поневоле». Как вы понимаете эту оценку героя романа?

4. Для Пушкина Татьяна – идеал русской женщины. Что в ее облике и характере особенно высоко ценит автор? Какие ее качества привлекательны и для нас, людей конца XX века?

5. «„Онегин“, – утверждал Белинский, – есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии…» Если вы согласны с этим суждением, попробуйте доказать его верность.

О реализме

Все литературные направления заботились о правдивости, естественности отражения жизни. Все же был прав один из писателей начала XX века, когда сказал, что «классики видели предметы в освещении фейерверка, сентименталисты признавали свет луны, романтикам нужна была молния…». Одним реалистам, представителям того направления, которое решилось отражать жизнь такой, как она есть, выпало на долю постигнуть глубины мысли и чувств, не отрываясь от жизненной правды. Однако великие писатели, которых принято называть классиками, представляли все эти направления и нельзя сказать, что только реалисты могут быть признаны великими, единственными авторами, которые наставляют читателей и волнуют их умы и сердца.

Чтобы задуматься над такой сложной проблемой, как отражение жизни в искусстве, проследим, как меценат Савва Мамонтов помогал певцу Федору Шаляпину сформировать художественный вкус. Великий актер рассказал об этом в своей книге «Маска и душа» (начало событий происходит на Нижегородской ярмарке).

«Вкус, должен я признаться, был у меня в то время крайне примитивный.

– Не останавливайтесь, Феденька, у этих картин, – говорит, бывало, Мамонтов. – Это все плохие.

Я недоуменно пялил на него глаза.

– Как же плохие, Савва Иванович? Такой ведь пейзаж, что и на фотографии так не выйдет.

– Вот это и плохо, Феденька, – добродушно улыбаясь, отвечал Савва Иванович. – Фотографии не надо. Скучная машинка.

И он вел меня в отдельный барак, выстроенный им самим для произведений Врубеля.

– Вот, Феденька, – указывал он на „Принцессу Грёзу“, – вот

это вещь замечательная. Это искусство хорошего порядка.

А я смотрел и думал: „Чудак наш меценат. Чего тут хорошего? Наляпано, намазано, неприятно смотреть. То ли дело пейзажик, который мне утром понравился в главном зале выставки. Яблоки как живые – укусить хочется; яблоня такая красивая – вся в цвету. На скамейке барышня сидит с кавалером, и кавалер так чудесно одет (какие брюки! Непременно куплю себе такие)“.

Я, откровенно говоря, немного в этих суждениях Мамонтова сомневался. И вот однажды в минуту откровенности я спросил его:

– Как же это так, Савва Иванович? Почему вы говорите, что „Принцесса Грёза“ Врубеля – хорошая картина, а пейзаж – плохая? А мне кажется, что пейзаж хороший, а „Принцесса Грёза“ – плохая.

– Вы еще молоды, Феденька, – ответил мне мой просветитель. – Мало вы видели. *Чувство в картине Врубеля большое.*

Объяснение это не очень меня удовлетворило, но очень взволновало».

Для нас поучителен и финал этой истории.

«В Москве мне предстояло… решить спор между аппетитной яблоней в цвету, понравившейся мне, и неудобоваримой „Принцессой Грёзой“, нравившейся С. И. Мамонтову… Наш знаменитый пейзажист Исаак Ильич Левитан не имел прямого отношения к моей театральной работе, но именно он заставил меня почувствовать ничтожность банальной яблони в цвету и великолепных брюк молодого человека на скамейке…

– Протокольная правда, – говорил Левитан, – никому не нужна. Важна ваша *песня,* в которой *вы* поете лесную или садовую тропинку.

Я вспомнил о „фотографии“, которую Мамонтов называл „скучной машинкой“, и сразу понял, в чем суть. Фотография не может мне спеть ни о какой тропинке – ни о лесной, ни о садовой. Это только протокол. Я понял, что не нужно копировать предметы и усердно их раскрашивать, чтобы они казались возможно более эффектными, – это не искусство. Понял я, что во *всяком* искусстве важнее всего чувство и дух – тот глагол, которым пророку было повелено жечь сердца людей. Что этот глагол может звучать и в краске, и в линии, и в жесте – как в речи».

Наблюдения Шаляпина помогают задуматься над тем, что любое направление в искусстве связано с жизнью и может отражать жизнь, хотя формы этого отражения различны.

В XIX веке русская литература достигла расцвета и этот расцвет во многом был связан с реализмом. Термин «реализм» утвердился лишь в конце XIX века, но само направление определилось раньше. Самым отчетливым признаком этого направления можно признать его стремление к широкому, многостороннему, правдивому отражению реальной жизни. Часто отмечают, что при этом типические характеры изображаются в типических обстоятельствах.

Реализму свойственно стремление охватить действительность во всем богатстве ее содержания, осмысляя всю цепочку причин и следствий, которые предопределяют каждую жизненную ситуацию. Реализм демонстрирует способность передавать самое сложное переплетение различных фактов, определяющих течение истории. Точное отражение реального мира вы наблюдали, изучая «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина и используя при этом материалы его же «Истории Пугачева». По утверждению французского писателя-реалиста О. де Бальзака, писателю принадлежит лишь роль секретаря, а историком является само общество.

В русской литературе XIX века реализм связан с творчеством Пушкина, Крылова, Тургенева, Некрасова, Льва Толстого и многих других поэтов, писателей, драматургов.

Вопросы и задания

1. Какие признаки реализма вы можете назвать?
2. Почему можно утверждать, что каждое литературное направление стремится отразить правду жизни?
3. Что привлекает вас в героях реалистических произведений?
4. Может ли сказка быть реалистическим произведением?
5. Может ли басня быть реалистическим произведением?
6. Попробуйте доказать, что прозаические произведения Пушкина, которые вы изучали, можно назвать реалистическими произведениями.
7. Можно ли считать реалистическими сатирические произведения? Мотивируйте свой ответ.
8. Каким героем вы считаете Руслана? Можно ли считать, что он романтический герой?
9. Как доказать, что Евгений Онегин – реалистический герой?
10. Можно ли утверждать, что такие разные люди, как Евгений Онегин и Владимир Ленский, – реалистические герои? Напишите сравнительную характеристику героев.

11. Как объяснить, что Владимира Ленского часто считают романтическим героем? Как это опровергнуть, если такое утверждение неверно?

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Судьба и поэзия Михаила Лермонтова овеяны глубоким трагизмом. Известный исследователь творчества Лермонтова Эмма Гернштейн в книге «Судьба Лермонтова» писала: «В истории жизни и гибели Лермонтова есть какая-то тайна. Белые листы, корешки вырезанных страниц, письма с оторванным концом – вот что мы находим в рукописях, в которых говорится о судьбе поэта». И прежде всего загадочно то, что личность поэта вся словно соткана из противоречий.

На внутреннюю сложность Лермонтова указывал еще А. И. Герцен: «Он влачил тяжкий груз скептицизма через все мечты и наслаждения». Белинский отмечал «в рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого».

Соединение несоединимого отразилось и в описании внешности Лермонтова, лучшее из которых принадлежит И. С. Тургеневу: «В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовывался с выражением почти детских нежных выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь ощущал всякий».

Впоследствии впечатления современников были великолепно обобщены В. Я. Брюсовым в его сонете:

К портрету Лермонтова

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил.

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.
И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованых стихах!

Светлые и трагические воспоминания оставили детские годы поэта. Родился он в Москве, но вскоре был перевезен к бабушке Елизавете Алексеевне Арсеньевой в имение Тарханы Пензенской губернии.

«Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал; ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

Ангел

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Д. С. Мережковский был уверен, что «вся поэзия Лермонтова – воспоминание об этой песне, услышанной в прошлой вечности», что все написанное позднее это и есть воспоминание о прошлом и вечном.

Детство было омрачено ранней смертью матери, разрывом

между отцом и бабушкой, рассказами о самоубийстве деда на новогоднем балу в Тарханах. Все это, несомненно, повлияло на характер Лермонтова, а следовательно, и на его творчество.

После смерти матери Елизавета Алексеевна добилась, чтобы маленький внук Миша остался на ее попечении, и ему пришлось жить в разлуке с отцом, о котором он слышал только дурное. Впоследствии он отмел все недостойные наветы на отца и отдал ему должное в стихотворении, посвященном его смерти.

Ужасная судьба отца и сына…

Ужасная судьба отца и сына
Жить разно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
……
Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!..

Бабушка заботилась о будущем внука, дала ему хорошее образование, сначала дома под руководством замечательного педагога русского и латинского языков Александра Зиновьевича Зиновьева. Он следил за новыми течениями в искусстве и литературе, питал склонность к романтизму, его воззрения повлияли на формирование поэтических взглядов юного Лермонтова. Еще с ранних юношеских лет Лермонтов тянется к поэзии и задумывается над сущностью поэтического творчества.

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного[30] востока.

Наезднику в горах служил он много лет,

Не зная платы за услугу;
Не по одной, груди провел он, страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей
Никто с усердьем не читает…

* * *

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам[31] в часы молитвы.

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой[32],
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык, —

Нас тешат блестки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны…

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

Вопросы и задания

▶1. Объясните, почему автор выбрал такое название для стихотворения.

2. Охарактеризуйте особенности композиции стихотворения.

3. Какую роль играют первая и вторая части стиха в композиции этого произведения?

▶▶1. Какой художественный прием наиболее активно используется в этом стихотворении?

2. Найдите в стихотворении наиболее яркое определение роли поэта.

▶▶▶1. В каких известных вам стихотворениях Лермонтов размышляет о роли поэта в обществе?

С сентября 1828 по август 1832 года Лермонтов учится в Московском благородном пансионе, а затем и в университете. Н. Ф. Вистенгоф воссоздает в своих воспоминаниях образ Лермонтова-студента. «Выделялись между нами и люди, горячо принявшиеся за науку: Станкевич, Строев, Красов, Компанейщиков, Плетнев, Лермонтов, Ефремов…

Перед рождественскими праздниками профессора… проверяли знания своих слушателей за пройденное полугодие…

Профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал Лермонтову какой-то вопрос. Лермонтов начал бойко и с уверенностью отвечать. Победоносцев сначала слушал его, а потом остановил и сказал:

– Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

– Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас еще не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабженной всем современным…

Лермонтов любил посещать каждый вторник тогдашнее

великолепное московское Благородное собрание, блестящие балы которого были очаровательны. Он всегда был изысканно одет, а при встрече с нами делал вид, будто нас не замечает. Не похоже было, что мы с ним были в одном университете, на одном факультете и на одном и том же курсе. Он постоянно окружен был хорошенькими молодыми дамами высшего общества и довольно фамильярно разговаривал и прохаживался по залам с почтенными и влиятельными лицами…»

При этом продолжаются раздумья молодого поэта над сущностью творчества, идут напряженные поиски своего места в поэзии.

Нет, я не Байрон, я другой…

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;

В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или Бог – или никто!

Вопросы и задания

1. В чем вы видите основную мысль этого стихотворения?
2. Чего больше в нем – ощущения трагизма личной судьбы или уверенности в своем избранничестве?
1. Что, по-вашему, символизирует образ океана?

Уже в студенческие годы в стихах Лермонтова отчетливо звучит недовольство собственным поколением.

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,

Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем…
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное теченье…
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует…
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

В Москве юный Лермонтов испытал глубокие сердечные чувства к Варваре Александровне Лопухиной, которая была потом выдана замуж и всю жизнь прожила с нелюбимым человеком. Наталья Федоровна Иванова, к которой Лермонтова тоже влекло сильное чувство, не ответила взаимностью. Этим женщинам поэт посвятил много прекрасных стихотворений.

Исследователи отмечают особенности любовной лирики Лермонтова. В его стихах изображается не столько образ любимой женщины, не столько выражается признание в любви, сколько рассказывается о своем отношении к миру.

Нет, не тебя так пылко я люблю…

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе лишь прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором,
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах – огонь угаснувших очей.

Вопросы и задания

1. Подберите самостоятельно для анализа несколько стихотворений из любовной лирики Лермонтова («Я не унижусь пред тобой…», «Но я вас помню – да и точно…», «Оставь напрасные заботы…», «Прости! – мы не встретимся боле…» и т. д.).

2. Что объединяет и различает их в передаче любовного чувства, образов любящего и любимого?

В 1832 году Лермонтов переезжает в Петербург и собирается поступать в Петербургский университет. Однако случилось так, что он поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Хотелось самостоятельности. Офицерская служба, казалось, давала больше возможности быть в действии, в движении. Но… поэт очутился в среде людей, которые мечтали лишь о блестящей служебной карьере и развлечениях.

В конце 1834 года Лермонтов был произведен в корнеты гусарского полка, который размещался в Царском Селе. Служба занимала немного времени. Лермонтов посещает балы, маскарады. Но больше отдается литературным занятиям. Наблюдения за нравами офицерства и светского общества отразились в незавершенном романе «Княгиня Лиговская» и драме «Маскарад».

Наступил январь 1837 года. Гибель Пушкина всколыхнула всю Россию. Лермонтов выступил с полным скорби и негодования стихотворением «Смерть поэта», был арестован и выслан на Кавказ. Имя поэта сразу стало известным в русском обществе. Его стихотворное обличение было справедливо воспринято современниками как смелое политическое выступление.

Весной 1837 года Лермонтов прибыл на Кавказ. Здесь он беспрерывно странствовал: изъездил всю линию от Кизляра до Тамани, ночевал в чистом поле, засыпал под вой шакалов. Полученные впечатления нашли отражение в поэмах «Мцыри», «Демон», романе «Герой нашего времени».

Осенью ссылка закончилась. Е. А. Арсеньевой удалось, заручившись поддержкой В. А. Жуковского, добиться возвращения внука в столицу.

Петербург встретил Лермонтова как признанного поэта. По словам писателя Муравьева, «песни и поэмы Лермонтова гремели повсюду». Прочитав «Три пальмы», Белинский воскликнул: «На Руси появилось новое могучее дарование – Лермонтов».

Три пальмы. *Восточное сказание*

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался водою холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли,
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали…
И, стан худощавый к луке наклоня,
Арап горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их со́рвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван,
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный,
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Вопросы и задания

▸1. Исследователи определяют жанр стихотворения «Три пальмы» как балладу. Согласны ли вы с таким определением жанра? Какие признаки баллады вы в нем обнаруживаете?

2. Какова основная мысль этого произведения? В каких еще поэтических текстах Лермонтова она звучит?

▸▸▸1. Обратите внимание на композицию стихотворения. Какова ее роль в раскрытии философского смысла баллады?

Вторая ссылка на Кавказ последовала в 1840 году после дуэли с сыном французского посла де Барантом. Направляясь к месту ссылки, поэт на несколько дней остановился в Москве и на одном литературном обеде читал отрывки из «Мцыри» в

присутствии Гоголя.

Служба на Кавказе носила боевой характер. Он участвовал в кровопролитных боях, проявляя чудеса храбрости. Командование ходатайствовало о награждении поручика Лермонтова орденами и золотой саблей, но царь «не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую награду».

Пленный рыцарь

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют все вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время – мой конь неизменный,
Шлема забрало – решетка бойницы,
Каменный панцирь – высокие стены,
Щит мой – чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронею мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

Вопросы и задания

1. Какие мысли и настроения владеют лирическим героем?

2. Почему Пленному рыцарю и больно, и стыдно? Испытывает ли герой чувство вины?

3. В чем смысл заглавия стихотворения? Ю. М. Лотман считает, что в нем заложено определенное противоречие: «само понятие „рыцарь“ включает в себя в нашем сознании

представление о смелости, воинственности, боевых подвигах, но отнюдь не понятий плена, заключения и тюрьмы». Согласны ли вы с таким толкованием заглавия? Мотивируйте свое мнение.

4. Какие реалии жизни Лермонтова и окружающей его действительности отражены в этом стихотворении?

▶▶1. С помощью каких приемов они передаются (эпитеты, метафора, антитеза и т. д.)? Приведите конкретные примеры из текста.

2. Какие темы развиваются во второй строфе? Что подчеркивают слова «старинный», «помнить»? Какую окраску чувствам героя они придают?

3. Третья и четвертая строфы, по утверждению Ю. М. Лотмана, представляют собой развернутую метафору. Проанализируйте ее и раскройте смысл.

▶▶▶1. Во многих стихотворениях Пушкина и Лермонтова узник мечтает об освобождении из неволи. Здесь же герой видит свое освобождение в смерти. Почему, по-вашему, он с нетерпением ждет ее?

На севере диком стоит одиноко…

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Вопросы и задания

▶1. К какому виду лирики вы отнесете это стихотворение – пейзажной или философской? Обоснуйте свои выводы.

2. Какую роль выполняет в этом стихотворении пейзаж? Вспомните, что мы говорили о метафорах, анализируя стихотворение «Пленный рыцарь», и попытайтесь найти метафоры в этом стихотворении и объяснить их смысл.

3. Ю. М. Лотман выделяет в стихотворении темы мечты и реальности. Как они раскрываются? Как связаны между собой?

▶▶1. Проанализируйте особенности звукописи в этом

стихотворении.

▶▶▶1. Сопоставьте судьбы пальмы и сосны. В чем их общность и различие?

В начале 1841 года Лермонтов в столице хлопотал о своей отставке. Ему хотелось заниматься только литературной деятельностью, мечтал издавать журнал. Но выйти в отставку ему не разрешили. После кратковременного отпуска он был вынужден покинуть Петербург. Перед отъездом Лермонтов говорил об ожидавшей его скорой смерти, так как знал, что его полк назначен в самую тяжелую экспедицию. Прощаясь с Петербургом, поэт написал гневное стихотворение «Прощай, немытая Россия…».

Мрачное предчувствие, и не просто предчувствие, а видение своего будущего отразилось в стихотворении, написанном в год смерти.

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана:
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

15 июля, между 6 и 7 часами вечера, Лермонтов был убит на дуэли Мартыновым.

Роман «Герой нашего времени» состоит из повестей, имеющих собственные законченные сюжеты, объединенных образом главного героя – Григория Александровича Печорина. Это «Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист». Есть в произведении два предисловия: первое – ко всему роману, второе – к дневнику Печорина.

Герой нашего времени. *Фрагменты*

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое, и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную

доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых… Старая и жалкая шутка! Но видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж Бог знает!

Журнал Печорина. *Предисловие*

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить свое имя над чужим произведением. Дай Бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге, следовательно, не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною дружбы, ожидает только смерти или несчастия любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом

упреков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переменил все собственные имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно, себя узнают, и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем.

Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? – Мой ответ – заглавие этой книги. – «Да это злая ирония!» – скажут они. – Не знаю.

I. Тамань

Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной тележке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «кто идет?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности, и стал требовать казенную квартиру. Десятник нас повел по городу. К которой избе ни подъедем – занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к черту, только к месту!» – закричал я. «Есть еще одна фатера, – отвечал десятник, почесывая затылок, – только вашему благородию не понравится; там нечисто!» Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперед, и после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только

ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с беспрерывным ропотом плескались темно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, на покорную ей стихию, и я мог различить при свете ее, далеко от берега, два корабля, которых черные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона. «Суда в пристани есть, – подумал я, – завтра отправлюсь в Геленджик».

При мне исправлял должность денщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина – молчат; стучу – молчат… что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати.

«Где хозяин?» – «Нема». – «Как? совсем нету?» – «Совсим». – «А хозяйка?» – «Побигла в слободку». – «Кто ж мне отопрет дверь?» – сказал я, ударив в нее ногою. Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью. Я засветил серную спичку и поднес ее к носу мальчика: она озарила два белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы. Он стоял передо мною неподвижно, и я начал рассматривать черты его лица.

Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и

проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто, с потерею члена, душа теряет какое-нибудь чувство.

Итак, я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз?.. Долго я глядел на него с невольным сожалением, как вдруг едва приметная улыбка пробежала по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатление. В голове моей родилось подозрение, что этот слепой не так слеп, как оно кажется; напрасно я старался уверить себя, что бельмы подделать невозможно, да и с какой целью? Но что делать? я часто склонен к предубеждениям…

«Ты хозяйский сын?» – спросил я его наконец. – «Ни». – «Кто же ты?» – «Сирота, убогий». – «А у хозяйки есть дети?» – «Ни; была дочь, да утикла за море с татарином». – «С каким татарином?» – «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель. На стене ни одного образа – дурной знак! В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол, разостлал бурку на лавке, казак свою на другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мною во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся Бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбежало по отвесу берега; однако иначе ему некуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаился у забора, и он верной, но осторожной поступью прошел мимо меня. Под мышкой он нес какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке. «В тот день немые возопиют и слепые прозрят», – подумал я, следуя за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из вида.

Между тем луна начала одеваться тучами, и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шел так близко от воды, что, казалось, сейчас волна его схватит и унесет; но видно это была не первая его

прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движениями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

– Что, слепой? – сказал женский голос, – буря сильна; Янко не будет.

– Янко не боится бури, – отвечал тот.

– Туман густеет, – возразил опять женский голос, с выражением печали.

– В тумане лучше пробраться мимо сторожевых судов, – был ответ.

– А если он утонет?

– Ну что ж? в воскресенье ты пойдешь в церковь без новой ленты.

Последовало молчание; меня, однако, поразило одно: слепой говорил со мною малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

– Видишь, я прав, – сказал опять слепой, ударив в ладоши. – Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещет, меня не обманешь, – это его длинные весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

– Ты бредишь, слепой, – сказала она, – я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалеке что-нибудь наподобие лодки, но безуспешно. Так прошло минут десять; и вот показалась между горами волн черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно подымаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние 20 верст, и важная должна быть причина, его к тому побудившая! Думая так, я с невольным биением сердца глядел на бедную лодку; но она, как утка, ныряла, и потом, быстро взмахнув веслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызгов пены; и вот, я думал, она ударится с размаха об берег и разлетится вдребезги, но она ловко повернулась боком и вскочила в маленькую бухту невредима. Из нее вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль

по берегу, и скоро я потерял их из вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казак мой был очень удивлен, когда, проснувшись, увидал меня совсем одетого; я ему однако ж не сказал причины. Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесом, на вершине коего белеется маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик.

Но, увы! комендант ничего не мог сказать мне решительного. Суда, стоящие в пристани, были все – или сторожевые, или купеческие, которые еще даже не начинали нагружаться. «Может быть, дни через три, четыре, придет почтовое судно, – сказал комендант, – и тогда – мы увидим». Я вернулся домой угрюм и сердит. Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.

– Плохо, ваше благородие! – сказал он мне.

– Да, брат, Бог знает, когда мы отсюда уедем! – Тут он еще больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказал шепотом:

– Здесь нечисто! Я встретил сегодня черноморского урядника; он мне знаком, – был прошлого года в отряде; как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водой… уж видно здесь к этому привыкли.

– Да что ж? по крайней мере, показалась ли хозяйка?

– Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

– Какая дочь? у нее нет дочери.

– А Бог ее знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я вошел в лачужку. Печь была жарко натоплена, и в ней варился обед, довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глуха, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертенок, – сказал я, взяв его за ухо, – говори, куда ты ночью таскался с узлом, а?» Вдруг мой слепец заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив?.. никуды не ходив… с узлом? яким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «Вот выдумывают, да еще на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твердо решившись достать ключ этой загадки.

Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая вдаль; предо мной тянулось ночною бурею взволнованное море, и

однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы, перенес мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся… Так прошло около часа, может быть, и более… Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский, свежий голосок, – но откуда?.. Прислушиваюсь – напев странный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь – никого кругом; прислушиваюсь снова – звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье, с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню.

Я запомнил эту песню от слова до слова:

Как по вольной волюшке —
По зелену морю
Ходят все кораблики
Белопарусники.
Промеж тех корабликов
Моя лодочка,
Лодка неснащеная,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымут крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в темну ночь
Буйная головушка».

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундина; поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивленная моим

присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры; пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою проницательностию останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убегала, коварно улыбаясь.

Решительно, я никогда подобной женщины не видывал. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты. В ней было много породы… порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит юной Франции. Она, то есть порода, а не юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос очень много значит. Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более 18 лет. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах и особенно правильный нос – все это было для меня обворожительно. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила предубеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гётеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, – и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни…

По́д вечер, остановив ее в дверях, я завел с нею следующий разговор:

«Скажи-ка мне, красавица, – спросил я, – что ты делала сегодня на кровле?» – «А смотрела, откуда ветер дует». – «Зачем тебе?» – «Откуда ветер, оттуда счастье». – «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» – «Где поется, там и счастливится». – «А как неравно напоешь себе горе?» – «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять недалеко». – «Кто ж тебя выучил эту песню?» – «Никто не выучил; вздумается – запою; кому услыхать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет». – «А как тебя зовут, моя певунья?» – «Кто крестил, тот знает». – «А кто крестил?» – «Почему я знаю». – «Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал». (Она изменилась в лице, не пошевельнула губами, как будто не об ней дело.) «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно

пересказал ей все, что видел, думая смутить ее – нимало! Она захохотала во все горло. «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» – и тут я сделал очень серьезную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.

Только что смеркалось, я велел казаку нагреть чайник по-походному, засветил свечу и сел у стола, покуривая из дорожной трубки. Уж я доканчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрипнула, легкий шорох платья и шагов послышался за мной; я вздрогнул и обернулся, – то была она, моя ундина! Она села против меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этот взор показался мне чудно-нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизъяснимого смущения. Лицо ее было покрыто тусклой бледностью, изобличавшей волнение душевное; рука ее без цели бродила по столу, и я заметил в ней легкий трепет; грудь ее то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыхание. Эта комедия начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал ее в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она как змея скользнула между моими руками, шепнув мне на ухо: «Нынче ночью, как все уснут, выходи на берег», – и стрелою выскочила из комнаты. В сенях она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. «Экий бес-девка!» – закричал казак, расположившийся на соломе и мечтавший согреться остатками чая. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда все на пристани умолкло, я разбудил своего казака. «Если я выстрелю из пистолета, – сказал я ему, – то беги на берег». Он выпучил глаза и машинально отвечал: «Слушаю, ваше благородие». Я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска; ее одежда была более нежели легкая, небольшой платок опоясывал ее гибкий стан.

«Идите за мной!» – сказала она, взяв меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, как я не сломил себе шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дороге, где накануне я следовал за слепым. Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде. Тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой,

едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдем в лодку», – сказала моя спутница. Я колебался – я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступать было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем. «Что это значит?» – сказал я сердито. «Это значит, – отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками, – это значит, что я тебя люблю…» И щека ее прижалась к моей, и я почувствовал на лице моем ее пламенное дыхание. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хвать за пояс – пистолета нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову! Оглядываюсь – мы от берега около пятидесяти сажень, а я не умею плавать! Хочу оттолкнуть ее от себя – она как кошка вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости… «Чего ты хочешь?» – закричал я, крепко сжав ее маленькие руки; пальцы ее хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку.

«Ты видел, – отвечала она, – ты донесешь!» – и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки; ее волосы касались воды; минута была решительная. Я уперся коленкою в дно, схватил ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил ее в волны.

Было уже довольно темно; голова ее мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал…

На дне лодки я нашел половину старого весла и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался в ту сторону, где накануне слепой дожидался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытством, и прилег в траве над обрывом берега; высунув немного голову, я мог хорошо видеть с утеса все, что внизу делалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою русалку. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих; мокрая рубашка обрисовывала гибкий стан ее и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка, быстро приблизилась она; из нее, как накануне, вышел человек в татарской шапке, но острижен он был по-казацки, и за ременным поясом его торчал большой нож. «Янко, – сказала она, – все пропало!» Потом разговор их продолжался, но так тихо, что я ничего не мог расслушать. «А где же слепой?» – сказал наконец

Янко, возвыся голос. «Я его послала», – был ответ. Через несколько минут явился слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

– Послушай, слепой! – сказал Янко, – ты береги то место… знаешь? там богатые товары… скажи (имени я не расслышал), что я ему больше не слуга; дела пошли худо, он меня больше не увидит; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте, а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он получше платил за труды, так и Янко бы его не покинул; а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! – После некоторого молчания Янко продолжал: – Она поедет со мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Нас же больше не увидит.

– А я? – сказал слепой жалобным голосом.

– На что мне тебя? – был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, примолвив: «На, купи себе пряников». – «Только?» – сказал слепой. «Ну, вот тебе еще», – и упавшая монета зазвенела, ударясь о камень. Слепой ее не поднял. Янко сел в лодку; ветер дул от берега: они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал белый парус между темных волн; слепой все сидел на берегу, и вот мне послышалось что-то похожее на рыдание: слепой мальчик точно плакал, и долго, долго… Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов*? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и, как камень, едва сам не пошел ко дну!

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружье обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и пошел в хату. Увы! моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, Дагестанский кинжал, – подарок приятеля, – все исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восьмнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что сталось с старухой и с бедным слепым – не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!..

Конец первой части.

Вопросы и задания

▶1. Исследователи определяют жанр «Тамани» как новеллу или очерк-новеллу. Вспомните жанровые признаки новеллы, отличающие ее от рассказа или повести. Можно ли считать «Тамань» новеллой? Дайте развернутый ответ.

2. Как вы оцениваете поведение и личностные качества героя?

▶▶1. Охарактеризуйте особенности языка, которым написана новелла.

▶▶▶1. Можно ли обвинить Печорина в том, что он разрушил жизнь «честных контрабандистов»?

2. Произведение «Герой нашего времени» в литературоведении считают реалистическим социально-психологическим романом. Можно ли это утверждение целиком отнести к новелле «Тамань»? Какие социально-психологические проблемы в ней поставлены?

3. Найдите в тексте картины и сцены романтического и реалистического планов. Как они между собой связаны?

4. Проследите, как сочетается реальное и романтическое в изображении девушки-контрабандистки («ундины»).

5. В предисловии к роману заявлено, что герой – это «портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Какие же типические для всего поколения черты показаны в поведении и личности Печорина в новелле «Тамань»?

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852)

Гоголю трудно дались годы детства: плохое здоровье, частые болезни, сложности быта в Нежинской гимназии высших наук, где он учился с 1821 по 1828 годы… По воспоминаниям соучеников, он представляется то «красивым белокурым мальчиком, в густой зелени сада Нежинской гимназии, – любимцем своих товарищей, которых привлекала к нему его неистощимая шутливость», то подростком, который «постоянно косился… держался в стороне, смотрел всегда букою… редко когда мыл себе лицо и руки по утрам каждого дня…». Много лет спустя Гоголь писал Жуковскому: «Чувствовал я временами расположение к шутливости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки; вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению».

Гимназисты увлекались театром. Как вспоминает школьный товарищ Гоголя, они сами рисовали декорации и вели подготовку к спектаклям. Зрителями, кроме учеников и наставников, были соседние помещики и офицеры расположенной в Нежине дивизии. Участник этих спектаклей вспоминает, что «…удачнее всего давалась у нас комедия фон-Визина „Недоросль“. Видал я эту пьесу и в Москве, и в Петербурге, но сохранил навсегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний тогда Гоголь».

«Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, к которым я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, – пишет Гоголь в „Авторской исповеди“, – были почти все в лирическом и серьезном роде». Первые пробы пера не принесли гимназисту удачи.

Но вот годы учебы позади. Нужно было думать о том, как заработать на жизнь: крепостных, которые достались ему по наследству, Николай Васильевич отдал матери и сестрам.

Гоголь едет в столицу. Как пишет Андрей Белый, «не владея образованием, языками, средствами, манерами, уменьем танцевать и свободно болтать с золотой молодежью, надо было скромно усесться в угол». Но Гоголь так не поступил, он был полон жизненной энергии: служил в Департаменте уделов, занимался частным репетиторством, преподавал историю в Патриотическом институте и при этом постоянно и много читал.

Маменька пишет о нем своему родственнику: «Я вижу, что Никоша не выучился еще расчетливо жить. Главный его расход – на книги, для которых он в состоянии лишиться и пищи».

Только после того, как Гоголь прожил два года в столице, стало определяться его будущее. К маю 1831 года было готово несколько повестей, составивших первый том «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

«Сейчас прочел „Вечера на хуторе близ Диканьки“. Они изумили меня, – писал А. С. Пушкин. – Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность!.. Поздравляю публику с истинно веселою книгою».

После создания этого замечательного сборника Гоголь вошел в литературу, приобрел друзей и знакомых в писательской среде, нашел помощь и поддержку Пушкина и Жуковского. Гоголь заявил о себе как писатель чрезвычайно яркого дарования, но впечатления от его личности и поведения были очень часто самые противоречивые.

Вот как описывает его Тургенев: «Был одет в темное пальто, в зеленый бархатный жилет и коричневые панталоны. Казался худым и испитым… Заостренный нос придавал… нечто… лисье; невыгодное впечатление производили… одутловатые, мягкие губы… когда он говорил, они неприятно раскрывались и выказывали ряд нехороших зубов; маленький подбородок уходил в широкий, бархатный, черный галстук».

Но что значило это впечатление по сравнению с тем, как ярко выявлялся его талант, его художественное чутье и умение увидеть и передать окружающий мир с необыкновенным блеском и в слове написанном, и в слове произнесенном? По воспоминаниям современника, «читал Гоголь так превосходно, с такой неподражаемой интонацией… что слушатели приходили в восторг…». Великий комик Щепкин сказал так: «Подобного комика не видел и не увижу!» Жуковский утверждал, что его собственные стихи нравились ему более всего тогда, когда их брался читать Гоголь.

Писатель безукоризненно ощущал комические ситуации, подмечал все смешное и при этом, что бывает очень редко, был способен видеть забавное и в своем собственном облике. Оцените, например, фрагмент письма, адресованного девушке, которую он мечтал видеть собственной невестой: «…можно сказать, что до Франкфурта добрался один только нос мой да несколько костей, связанных на живую нитку жиденькими мускулами, но дух бодр».

После выхода «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода», а затем «Арабесок» В. Г. Белинский провозгласил

Гоголя «главою литературы».

В 1835 году писатель приступает к главному делу своей жизни – созданию поэмы, в которой покажет всю Россию. В октябре он пишет Пушкину: «Начал писать „Мертвых душ“. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе…

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но чисто русский анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию». Пушкин исполняет его просьбу.

Создание комедии отвлекло Гоголя от работы над поэмой «Мертвые души». Только после триумфа «Ревизора» Гоголь едет за границу и там завершает работу над первым томом своего главного произведения. О создании «Мертвых душ» рассказывает друг Гоголя, который записывал под его диктовку рукопись поэмы. Писатель очень эмоционально переживал все этапы своей работы. Когда ему показалось, что очередная глава удалась, то, прогуливаясь по улицам Рима, «…он пустился в пляс и стал вывертывать зонтиком… такие штуки, что ручка осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону».

Но вот первая часть задуманного труда завершена. Хлопоты по его изданию окончены. В мае 1842 года выходит из печати первый том «Мертвых душ». Белинский писал, что это «… творение чисто русское, национальное… необъятно художественное по концепции и выполнению… и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое…».

Успех был необычайный, но радость и заботы не проходят даром: Гоголь вновь болен. За рубежом проходит шесть кочевых лет. Все трудней даются новые страницы, все сложней он справляется со своими болезнями и неудачами.

В 1845 году Гоголь сжигает написанные главы второго тома «Мертвых душ». В эти же годы он работает над книгой «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга вызвала шквал самой ожесточенной критики. «Здоровье мое потряслось от этой для меня сокрушительной истории по поводу моей книги», – пишет он П. В. Анненкову.

Работа над вторым томом «Мертвых душ» продолжалась, но шла медленно. Гоголь смотрел на поэму, как на что-то, что лежало вне его, ему казалось, что он должен раскрыть какие-то заповедные тайны. «Когда я пишу, очи мои раскрываются неестественной ясностью. А если я прочитаю написанное еще не оконченным, кому бы то ни было, ясность уходит с глаз моих. Я это испытал много раз. Уверен, когда сослужу свою службу и окончу, на что я призван, то умру. А если выпущу на свет не

созревшее или поделюсь малым, мною совершаемым, то умру раньше, нежели выполню, на что я призван в свет».

В ночь на 12 февраля 1852 года Гоголь вновь сжег написанные главы своей последней поэмы. Физически он слабел все более и более: не выходил из своей комнаты, перестал есть, не принимал лекарства. При этом на все уговоры у него был один ответ: «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще, буду жив!»

21 февраля 1852 года Гоголя не стало.

Мертвые души. Том первый. *Фрагменты*

Глава I

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным: только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем. «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет!» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился. Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Он выбежал проворно с салфеткой в руке, весь длинный и в длинном демикотонном сюртуке со спинкою чуть не на самом затылке, встряхнул волосами и повел проворно господина вверх по всей деревянной

галдарее показывать ниспосланный ему Богом покой. Покой был известного рода; ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленною комодом, где устроивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего. Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками. В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною как смоль бородою.

Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге. Чемодан внесли кучер Селифан, низенький человек в тулупчике, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном сюртуке, как видно с барского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом. Вслед за чемоданом внесен был небольшой ларчик, красного дерева, с штучными выкладками из карельской березы, сапожные колодки и завернутая в синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка стал устроиваться в маленькой передней, очень темной конурке, куда уже успел притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой собственный запах, который был сообщен и принесенному вслед за тем мешку с разным лакейским туалетом. В этой конурке он приладил к стене узенькую трехногую кровать, накрыв ее небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин, и может быть так же замаслившимся, как блин, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу. Какие бывают эти общие залы – всякий проезжающий знает очень хорошо: те же стены, выкрашенные масляной краской, потемневшие вверху от трубочного дыма и залосненные снизу спинами разных проезжающих, а еще более

туземными купеческими, ибо купцы по торговым дням приходили сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю, тот же закопченный потолок, та же копченая люстра со множеством висячих стеклышек, которые прыгали и звенели всякий раз, когда половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу, те же картины во всю стену, писанные масляными красками, – словом, все то же, что и везде; только и разницы, что на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель верно никогда не видывал. Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно, в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии, по совету везших их курьеров. Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку, какую женатым приготовляет своими руками супруга, снабжая приличными наставлениями, как закутываться, а холостым – наверное не могу сказать, кто делает, Бог их знает, я никогда не носил таких косынок. Размотавши косынку, господин велел подать себе обед. Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких неделей, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый и вечный слоеный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам; покамест ему все это подавалось и разогретое и просто холодное, он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь, и много ли дает дохода, и большой ли подлец их хозяин; на что половой по обыкновению отвечал: о, большой, сударь, мошенник. Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушать в трактире, чтоб не поговорить с слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним. Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, – словом, не пропустил ни одного значительного чиновника, но еще с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках, сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живет от города, какого даже характера и как часто приезжает в город; расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, повальных горячек, убийственных каких-нибудь лихорадок, оспы и тому подобного, и все так обстоятельно и с такою точностию,

которая показывала более, чем одно простое любопытство. В приемах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал как труба. Это, по-видимому, совершенно невинное достоинство приобрело однако ж ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямливался почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего? После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник. Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой нумер, где прилегши заснул два часа. Отдохнувши, он написал на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги, чин, имя и фамилию для сообщения куда следует, в полицию. На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям. Когда половой все еще разбирал по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворен, ибо нашел, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно била в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Домы были в один, два и полтора этажа с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и живости. Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров»; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену. Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша. Под всем этим было написано: «И вот заведение». Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло; где харчевня с нарисованною толстою рыбою и воткнутою в нее вилкою. Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконическою надписью: «Питейный дом». Мостовая везде была плоховата. Он заглянул и в городской сад,

который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зеленою масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых дерев, дающих прохладу в знойный день, и что при этом было очень умилительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слез в знак признательности к господину градоначальнику. Расспросивши подробно буточника, куда можно пройти ближе, если понадобится к собору, к присутственным местам, к губернатору, он отправился взглянуть на реку, протекавшую посредине города, дорогою оторвал прибитую к столбу афишу с тем, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрел пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой следовал мальчик в военной ливрее с узелком в руке, и еще раз окинувши все глазами, как бы с тем, чтобы хорошо припомнить положение места, отправился домой прямо в свой нумер, поддерживаемый слегка на лестнице трактирным слугою. Накушавшись чаю, он уселся перед столом, велел подать себе свечу, вынул из кармана афишу, поднес ее к свече и стал читать, прищуря немного правый глаз. Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма Г. Коцебу, в которой Ролла играл Г. Поплёвин, Кору – девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны, однако же он прочел их всех, добрался даже до цены партера и узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления, потом переворотил на другую сторону, узнать, нет ли и там чего-нибудь, но не нашедши ничего, протер глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать все, что ни попадалось. День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.

Весь следующий день посвящен был визитам; приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам. <…>

Глава II

<…> С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: «Барин,

подай сиротиньке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыстнул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости был вдали узрет полосатый шлахбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понесся наконец по мягкой земле. Едва только ушел назад город, как уже пошли писать по нашему обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор. Попадались вытянутые по шнурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих шитых узорами утиральников. Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок, или высовывала слепую морду свою свинья. Словом, виды известные, проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть деревня, но и шестнадцатая верста пролетела мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшиеся навстречу, то вряд ли бы довелось им потрафить на лад. На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы, и один из них, бывший поумнее и носивший бороду клином, отвечал:

– Маниловка, может быть, а не Заманиловка?

– Ну да, Маниловка.

– Маниловка! а как проедешь еще одну версту, так вот тебе, то есть так прямо направо.

– Направо? – отозвался кучер.

– Направо, – сказал мужик. – Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то есть ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный в два этажа, господский дом, в котором то есть живет сам господин. Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь, и не было.

Поехали отыскивать Маниловку. Проехавши две версты, встретили поворот на проселочную дорогу, но уже и две, и три, и четыре версты, кажется, сделали, а каменного дома в два этажа все еще не было видно. Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать. Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и

желтых акаций; пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью «Храм уединенного размышления», пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в англицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения, и частию по самому скату, темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые избы, которые герой наш, неизвестно по каким причинам, в ту ж минуту принялся считать и насчитал более двухсот; нигде между ними растущего деревца или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно. Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебранивались. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самого мозгу носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

– Павел Иванович! – вскричал он наконец, когда Чичиков вылезал из брички. – Насилу вы таки нас вспомнили!

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что подобное предприятие очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размера: там просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб,

перекинутый через плечо черный или алый, как огонь, плащ, и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей – эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собою выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный в науке выпытывания взгляд.

Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую затем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает, что такое!» и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтиться на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков – словом, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома он говорил очень мало, и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве Богу было известно. Хозяйством нельзя сказать, чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою. Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин, то и то сделать»; – «Да, недурно», – отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить сделал привычку, когда еще служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером.

«Да именно недурно», – повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою затылок, говорил: «Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать», – «Ступай», – говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шел пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход, или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение, впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14-й странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольскою шелковою материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: не садитесь на эти кресла, они еще не готовы. В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутным щегольским щитом, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги. Жена его… впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек, и говорил трогательно-нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рождения приготовляемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. И весьма часто сидя на диване, вдруг совершенно неизвестно из каких причин один, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору в руках, они напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно было легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словом, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме

продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов. Зачем, например, глупо и без толку готовится на кухне? зачем довольно пусто в кладовой? зачем воровка ключница? зачем нечистоплотны и пьяницы слуги? зачем вся дворня спит немилосердным образом и повесничает все остальное время? Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни; фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов. Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время; все это более зависит от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона. В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепьяно, потом французский язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязание сюрпризов, потом французский язык, а там уже фортепьяно. Разные бывают методы. Не мешает сделать еще замечание, что Манилова… но признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед.

– Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пойду после, – говорил Чичиков.

– Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, – говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

– Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, – говорил Чичиков.

– Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

– Почему уж образованному?.. пожалуйста, проходите.

– Ну, да уж извольте проходить вы.

– Да отчего ж?

– Ну, да уж оттого! – сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.

– Позвольте мне вам представить жену мою, – сказал Манилов, – душенька, Павел Иванович!

Чичиков, точно, увидел даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым. Она была недурна; одета к лицу. На ней хорошо сидел матерчатый шелковый капот бледного цвета; тонкая небольшая кисть руки ее

что-то бросила поспешно на стол и сжала батистовый платок с вышитыми уголками. Она поднялась с дивана, на котором сидела. Чичиков не без удовольствия подошел к ее ручке. Манилова проговорила, несколько даже картавя, что он очень обрадовал их своим приездом и что муж ее, не проходило дня, чтобы не вспоминал о нем.

– Да, – примолвил Манилов, – уж она бывало все спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?» – «Погоди, душенька, приедет». А вот вы наконец и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца…

Чичиков, услышавши, что дело уже дошло до именин сердца, несколько даже смутился и отвечал скромно, что ни громкого имени не имеет, ни даже ранга заметного.

– Вы все имеете, – прервал Манилов с тою же приятною улыбкою, – все имеете, даже еще более.

– Как вам показался наш город? – примолвила Манилова. – Приятно ли провели там время?

– Очень хороший город, прекрасный город, – отвечал Чичиков, – и время провел очень приятно: общество самое обходительное.

– А как вы нашли нашего губернатора? – сказала Манилова.

– Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек? – прибавил Манилов.

– Совершенная правда, – сказал Чичиков, – препочтеннейший человек. И как он вошел в свою должность, как понимает ее! Нужно желать побольше таких людей.

– Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатес в своих поступках, – присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем.

– Очень обходительный и приятный человек, – продолжал Чичиков, – и какой искусник! я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные домашние узоры. Он мне показывал своей работы кошелек: редкая дама может так искусно вышить.

– А вице-губернатор, не правда ли, какой милый человек? – сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза.

– Очень, очень достойный человек, – отвечал Чичиков.

– Ну позвольте, а как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

– Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до самых поздних петухов. Очень, очень

достойный человек.

– Ну, а какого вы мнения о жене полицеймейстера? – прибавила Манилова. – Не правда ли, прелюбезная женщина?

– О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знаю, – отвечал Чичиков.

За сим не пропустили председателя палаты, почтмейстера и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самыми достойными людьми.

– Вы всегда в деревне проводите время? – сделал наконец в свою очередь вопрос Чичиков.

– Больше в деревне, – отвечал Манилов. – Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

– Правда, правда, – сказал Чичиков.

– Конечно, – продолжал Манилов, – другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь, этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое…

Здесь он еще что-то хотел выразить, но, заметивши, что несколько зарапортовался, ковырнул только рукою в воздухе и продолжал:

– Тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого… Вот только иногда почитаешь «Сын Отечества».

Чичиков согласился с этим совершенно, прибавивши, что ничего не может быть приятнее, как жить в уединенье, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу…

– Но знаете ли, – прибавил Манилов, – все, если нет друга, с которым бы можно поделиться…

– О, это справедливо, это совершенно справедливо! – прервал Чичиков, – что все сокровища тогда в мире! Не имей денег, имей хороших людей для обращения, сказал один мудрец.

– И знаете, Павел Иванович! – сказал Манилов, явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента. – Тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение… Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастие, можно сказать образцовое, говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором…

– Помилуйте, что ж за приятный разговор?.. Ничтожный человек, и больше ничего, – отвечал Чичиков.

– О! Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным: я бы с радостию отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..

– Напротив, я бы почел с своей стороны за величайшее…

Неизвестно, до чего бы дошло взаимное излияние чувств обоих приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

– Прошу покорнейше, – сказал Манилов.

– Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах; у нас просто по русскому обычаю щи, но от чистого сердца. Покорнейше прошу.

Тут они еще несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец Чичиков вошел боком в столовую.

В столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были в тех летах, когда сажают уже детей за стол, но еще на высоких стульях. При них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою. Хозяйка села за свою суповую чашку; гость был посажен между хозяином и хозяйкою, слуга завязал детям на шею салфетки.

– Какие миленькие дети, – сказал Чичиков, посмотрев на них, – а который год?

– Старшему осьмой, а меньшему вчера только минуло шесть, – сказала Манилова.

– Фемистоклюс! – сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался высвободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое отчасти греческое имя, которому неизвестно почему Манилов дал окончание на юс, но постарался тот же час привесть лицо в обыкновенное положение.

– Фемистоклюс, скажи мне, какой лучший город во Франции?

Здесь учитель обратил все внимание на Фемистоклюса и, казалось, хотел ему вскочить в глаза, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Фемистоклюс сказал: Париж.

– А у нас какой лучший город? – спросил опять Манилов.

Учитель опять настроил внимание.

– Петербург, – отвечал Фемистоклюс.

– А еще какой?

– Москва, – отвечал Фемистоклюс.

– Умница, душенька! – сказал на это Чичиков.

– Скажите, однако ж… – продолжал он, обратившись тут же с некоторым видом изумления к Маниловым. – Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности.

– О, вы еще не знаете его, – отвечал Манилов, – у него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшой Алкид, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку, так уж у него вдруг глазенки и забегают; побежит за ней следом и тотчас обратит внимание. Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклюс! – продолжал он, снова обратясь к нему, – хочешь быть посланником?

– Хочу, – отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос и очень хорошо сделал, иначе бы капнула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столом об удовольствии спокойной жизни, прерываемый замечаниями хозяйки о городском театре и об актерах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и как только замечал, что они были готовы усмехнуться, в ту же минуту открывал рот и смеялся с усердием. Вероятно, он был человек признательный и хотел заплатить этим хозяину за хорошее обращение. Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал вилкою по столу, устремив глаза на сидевших насупротив его детей. Это было у места, потому что Фемистоклюс укусил за ухо Алкида, и Алкид, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но, почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиков отвечал всякий раз: «Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда».

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг гость объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

– В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет, – сказал Манилов и повел в небольшую комнату, обращенную окном на синевший лес. – Вот мой уголок, – сказал Манилов.

– Приятная комнатка, – сказал Чичиков, окинувши ее глазами.

Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской вроде серенькой, четыре стула, одно кресло, стол, на котором лежала книжка с заложенною закладкою, о которой мы уже имели случай

упомянуть, несколько исписанных бумаг, но больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табашнице и наконец насыпан был просто кучею на столе. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками. Заметно было, что это иногда доставляло хозяину препровождение времени.

– Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах, – сказал Манилов. – Здесь вам будет попокойнее.

– Позвольте, я сяду на стуле.

– Позвольте вам этого не позволить, – сказал Манилов с улыбкою. – Это кресло у меня уж ассигновано для гостя: ради, или не ради, но должны сесть.

Чичиков сел.

– Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.

– Нет, не курю, – отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.

– Отчего? – сказал Манилов тоже ласково и с видом сожаления.

– Не сделал привычки, боюсь; говорят, трубка сушит.

– Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но благодаря Бога до сих пор так здоров, как нельзя лучше.

Чичиков заметил, что это точно случается, и что в натуре находится много вещей неизъяснимых даже для обширного ума.

– Но позвольте прежде одну просьбу… – проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное, или почти странное выражение, и вслед за тем неизвестно отчего оглянулся назад. Манилов тоже неизвестно отчего оглянулся назад. – Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

– Да уж давно; а лучше сказать, не припомню.

– Как с того времени много у вас умерло крестьян?

– А не могу знать, об этом, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человек, позови приказчика, он должен быть сегодня здесь.

Приказчик явился. Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видеть тотчас, что он совершил свое

поприще, как совершают его все господские приказчики: был прежде просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Агашке-ключнице, барыниной фаворитке, сделался сам ключником, а там и приказчиком. А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай.

– Послушай, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?

– Да как сколько? Многие умирали с тех пор, – сказал приказчик и при этом икнул, заслонив рот слегка рукою наподобие щитка.

– Да, признаюсь, я сам так думал, – подхватил Манилов, – именно очень многие умирали! – Тут он оборотился к Чичикову и прибавил еще: «Точно, очень многие».

– А как, например, числом? – спросил Чичиков.

– Да, сколько числом? – подхватил Манилов.

– Да как сказать числом? Ведь неизвестно, сколько умирало, их никто не считал.

– Да именно, – сказал Манилов, обратясь к Чичикову, – я тоже предполагал, большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло.

– Ты, пожалуйста, их перечти, – сказал Чичиков, – и сделай подробный реестрик всех поименно.

– Да, всех поименно, – сказал Манилов.

Приказчик сказал: «Слушаю!» – и ушел.

– А для каких причин вам это нужно? – спросил по уходе приказчика Манилов.

Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряженное выражение, от которого он даже покраснел, напряжение что-то выразить, не совсем покорное словам. И в самом деле, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких еще никогда не слыхали человеческие уши.

– Вы спрашиваете, для каких причин? причины вот какие: я хотел бы купить крестьян… – сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

– Но позвольте спросить вас, – сказал Манилов, – как желаете вы купить крестьян, с землею или просто на вывод, то есть без земли?

– Нет, я не то, чтобы совершенно крестьян, – сказал Чичиков, – я желаю иметь мертвых…

– Как-с? извините… я несколько туг на ухо, мне послышалось

престранное слово…

– Я полагаю приобресть мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые, – сказал Чичиков.

Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут. Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперя друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала. Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ему в лицо, стараясь высмотреть, не видно ли какой усмешки на губах его, не пошутил ли он, но ничего не было видно такого, напротив, лицо даже казалось степеннее обыкновенного; потом подумал, не спятил ли гость как-нибудь невзначай с ума, и со страхом посмотрел на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны, не было в них дикого, беспокойного огня, какой бегает в глазах сумасшедшего человека, все было прилично и в порядке. Как ни придумывал Манилов, как ему быть и что ему сделать, но ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым очень тонкою струею.

– Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить, или как вам заблагорассудится лучше?

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него.

– Мне кажется, вы затрудняетесь?.. – заметил Чичиков.

– Я?.. нет, я не то, – сказал Манилов, – но я не могу постичь… извините… я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении; не имею высокого искусства выражаться… Может быть, здесь… в этом, вами сейчас выраженном изъяснении… скрыто другое… Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

– Нет, – подхватил Чичиков, – нет, я разумею предмет таков, как есть, то есть те души, которые точно уже умерли.

Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос – черт его знает. Кончил он наконец тем, что выпустил опять дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

– Итак, если нет препятствий, то с Богом, можно бы приступить к совершению купчей крепости, – сказал Чичиков.

– Как, на мертвые души купчую?

– А, нет! – сказал Чичиков. – Мы напишем, что они живые,

так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон – я немею пред законом.

Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он все-таки никак не вник и вместо ответа принялся насасывать свой чубук так сильно, что тот начал наконец хрипеть, как фагот. Казалось, как будто он хотел вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего.

– Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

– О! помилуйте, ничуть. Я не насчет того говорю, чтобы имел какое-нибудь, то есть критическое предосуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России.

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.

Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие, или негоция, никак не будет несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России, а чрез минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины.

– Так вы полагаете?..

– Я полагаю, что это будет хорошо.

– А если хорошо, это другое дело: я против этого ничего, – сказал Манилов и совершенно успокоился.

– Теперь остается условиться в цене…

– Как в цене? – сказал опять Манилов и остановился. – Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то с своей стороны я предаю их вам безынтересно и купчую беру на себя. <…>

Глава V

<…> – Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так

чтоб не мимо господского дома?

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом.

– Что ж, не знаешь?

– Нет, барин, не знаю.

– Эх ты! А и седым волосом еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?

– А! заплатанной, заплатанной! – вскрикнул мужик. <…>

Глава VI

<…> Покамест Чичиков думал и внутренно посмеивался над прозвищем, отпущенным мужиками Плюшкину, он не заметил, как въехал в средину обширного села со множеством изб и улиц. Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатою мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необеregшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка. Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили как решето; на иных оставался только конек вверху, да жерди по сторонам в виде ребр. Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тёс, рассуждая, и конечно справедливо, что в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке, и на большой дороге, словом, где хочешь. Окна в избенках были без стекол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно. Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клади хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь, и даже прицепился сбоку кустарник. Хлеб, как видно, был господский. Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того, как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась, и на место их остался пустырем огород или капустник, обнесенный низкою, местами изломанною городьбою. Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей

странный за́мок, длинный, длинный непомерно. Местами был он в один этаж, местами в два; на темной крыше, не везде надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера один против другого, оба уже пошатнувшиеся, лишенные когда-то покрывавшей их краски. Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решетку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен. Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна с своей стороны были тоже подслеповаты; на одном из них темнел наклеенный треугольник из синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная,

сверкающая колонна; косой, остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или черная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал наконец вверх и обвивал до половины сломленную березу. Достигнув середины ее, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерев или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие цепкие крючья, легко колеблемые воздухом. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее как темная пасть, оно было все окинуто тенью, и чуть-чуть мелькали в черной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиною вытыкавший из-за ивы, иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, под один из которых забравшись, Бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых не вровень другим осин подымали огромные вороньи гнезда на трепетные свои вершины. У иных из них отдернутые и не вполне отделенные ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом, все было как-то пустынно-хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Сделав один или два поворота, герой наш очутился наконец перед самым домом, который показался теперь еще печальнее. Зеленая плесень уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах. Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо, ветшавших, – наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы. Все говорило, что здесь когда-то хозяйство текло в обширном размере, и все глядело ныне пасмурно. Ничего не заметно было оживляющего картину, ни отворявшихся дверей, ни выходивших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома! Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженною телегою, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для

оживления сего вымершего места: в другое время и они была заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин. У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим на телеге. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько сиплым для женщины. «Ой, баба!» – подумал он про себя и тут же прибавил: «Ой, нет!» – «Конечно баба!» – наконец сказал он, рассмотрев попристальнее. Фигура с своей стороны глядела на него тоже пристально. Казалось, гость был для нее в диковинку, потому что она обсмотрела не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная с хвоста и до морды. По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это, верно, ключница.

– Послушай, матушка, – сказал он, выходя из брички, – что барин?..

– Нет дома, – прервала ключница, не дождавшись окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила:

– А что вам нужно?

– Есть дело.

– Идите в комнаты! – сказала ключница, отворотившись и показав ему спину, запачканную мукою, с большой прорехою пониже.

Он вступил в темные, широкие сени, от которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, выходившим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытье полов, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислоненный боком к стене шкап, с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюро, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом, лимон весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-

то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный, пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку. С середины потолка висела люстра в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый поношенный колпак, лежавший на столе. Пока он рассматривал все странное убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе. Но тут увидел он, что это был скорее ключник, чем ключница: ключница, по крайней мере, не бреет бороды, а этот, напротив того, брил и, казалось, довольно редко, потому что весь подбородок с нижней частью щеки походил у него на скребницу из железной проволоки, какою чистят на конюшне лошадей. Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпеньем, что хочет сказать ему ключник. Ключник тоже с своей стороны ожидал, что хочет ему сказать Чичиков. Наконец последний, удивленный таким странным недоумением, решился спросить:

– Что ж барин? у себя, что ли?

– Здесь хозяин, – сказал ключник.

– Где же? – повторил Чичиков.

– Что, батюшка, слепы-то, что ли? – сказал ключник. – Эхва! А вить хозяин-то я!

Здесь герой наш поневоле отступил назад и поглядел на него пристально. Ему случалось видеть немало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не

придется увидать; но такого он еще не видывал. Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик. У этого помещика была тысяча слишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба, зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной. <…>

– Я давненько не вижу гостей, – сказал он, – да признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения… да и лошадей их корми сеном! Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь.

«Вот оно как! – подумал про себя Чичиков. – Хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку, да ломоть бараньего бока».

– И такой скверный анекдот, что сена хоть бы клок в целом хозяйстве! – продолжал Плюшкин. – Да и в самом деле, как прибережешь его? землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак… того и гляди, пойдешь на старости лет по миру!

– Мне однако же сказывали, – скромно заметил Чичиков, – что у вас более тысячи душ.

– А кто это сказывал! А вы бы, батюшка, наплевали в глаза

тому, который это сказывал! Он, пересмешник, видно, хотел пошутить над вами. Вот, бают, тысячи душ, а поди-тка сосчитай, а и ничего не начтешь! Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков.

– Скажите! и много выморила? – воскликнул Чичиков с участием.

– Да, снесли многих.

– А позвольте узнать: сколько числом?

– Душ восемьдесят.

– Нет?

– Не стану лгать, батюшка.

– Позвольте еще спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?

– Это бы еще слава Богу, – сказал Плюшкин, – да лих-то, что с того времени до ста двадцати наберется.

– Вправду? целых сто двадцать? – воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления.

– Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу! – сказал Плюшкин. Он, казалось, обиделся таким, почти радостным, восклицанием. Чичиков заметил, что в самом деле неприлично подобное безучастие к чужому горю, и потому вздохнул тут же и сказал, что соболезнует.

– Да ведь соболезнование в карман не положишь, – сказал Плюшкин. – Вот возле меня живет капитан, черт знает его откуда взялся, говорит родственник: дядюшка, дядюшка! и в руку целует, а как начнет соболезновать, вой такой подымет, что уши береги. С лица весь красный: пеннику, чай, на смерть придерживается. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболезнует!

Чичиков постарался объяснить, что его соболезнование совсем не такого рода, как капитанское, и что он не пустыми словами, а делом готов доказать его и, не откладывая дела далее, без всяких обиняков, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями. Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он вытаращил глаза, долго смотрел на него и наконец спросил:

– Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?

– Нет, – отвечал Чичиков довольно лукаво, – служил по статской.

– По статской, – повторил Плюшкин и стал жевать губами, как будто что-нибудь кушал. – Да ведь как же? Ведь это вам-то самим в убыток?

– Для удовольствия вашего готов и на убыток.

– Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой! – вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак, на образец густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для рассматриванья. – Вот утешили старика! Ах, господин ты мой! ах, святители вы мои!..

Далее Плюшкин и говорить не мог. Но не прошло и минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, так же мгновенно и пропала, будто ее вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выражение. Он даже утерся платком и, свернувши его в комок, стал им возить себя по верхней губе.

– Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякий год беретесь платить за них, что ли? и деньги будете выдавать мне или в казну?

– Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы их мне продали.

– Да, купчую крепость… – сказал Плюшкин, задумался и стал опять кушать губами. – Ведь вот купчую крепость – все издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь.

«Ну ты, я думаю, устоишь!» – подумал про себя Чичиков и произнес тут же, что, из уважения к нему, он готов принять даже издержки по купчей на свой счет.

Услыша, что даже издержки по купчей он принимает на себя, Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а верно был в офицерах и волочился за актерками. При всем том он однако ж не мог скрыть своей радости. <…>

Вопросы и задания

1. Какие элементы композиции поэмы вы можете назвать уже после чтения первой главы?

2. Что помогло вам найти границу между экспозицией и завязкой?

1. Один из исследователей творчества Гоголя утверждает, что у писателя детали «впаяны в сюжет». Как пример приводится колесо, о котором в самом начале рассуждают мужики. Казалось

бы, пустяк. О нем сразу же забываешь. Но вот колесо подводит Чичикова в дороге. Исследователь утверждает, что при втором появлении колеса можно говорить об известном по мифологии колесе Фортуны. Прав ли он?

2. Назовите помещиков, которые дали Чичикову возможность осуществить свою «негоцию». Расскажите о том, кто вас более всего заинтересовал. Вам поможет сам Гоголь. Используйте план, по которому писатель создал эти образы: описание поместья и дома, портрет, диалог о продаже мертвых душ, расставание с героем.

3. Выберите главу, посвященную одному из помещиков, и объясните, какую роль играют в ней пейзажные описания.

4. Поэма Гоголя написана очень ярким, насыщенным различными художественными приемами языком. Найдите в одной из глав (по вашему выбору) эпитеты и попытайтесь их охарактеризовать. Они могут быть близки к фольклорным, могут быть метафоричны, могут быть гиперболичны.

5. Вспомните два сравнения в поэме: человек был назойлив, как муха, и люди мерли, как мухи. Вспомните, с чем были связаны эти сравнения. Чем отличается их содержание, характер использования сравнения?

6. Вспомните примеры гипербол, которые запомнились при чтении. Смогли бы вы отличить гиперболы из произведений Гоголя от гипербол в произведениях других писателей? Что бы вам в этом могло помочь?

▶▶▶1. Попробуйте создать словарик наиболее типичных слов и выражений Ноздрева или Манилова, Собакевича или Коробочки. Что, кроме слов, характерных для каждого из них, можно было бы в него поместить?

2. Поэма «Мертвые души» – лироэпическое произведение. Таково ее кратчайшее определение. До сих пор вы читали и слушали поэмы, которые были написаны стихами, их лироэпический характер был вам очевиден и, наверное, не вызывал сомнений. Однако лирическое и эпическое начала сливаются во многих прозаических произведениях. Выделите элементы эпического и лирического в поэме Гоголя.

3. Сравните лирические отступления романа Пушкина и поэмы Гоголя. Что их сближает и что различает?

4. В лирических отступлениях Автор сам повествует о своих взглядах, мыслях и чувствах. В таком случае можно ли считать, что в «Мертвых душах» два главных героя: Автор и Чичиков? Попробуйте обосновать свой ответ.

Федор Иванович Тютчев (1803–1873)

«Последний романтик в русской поэзии XIX века» – так называют Федора Ивановича Тютчева исследователи русской литературы. Действительно, творческий путь поэта представляет собой явление уникальное.

Молодость вплоть до начала 40-х годов XIX века прошла на дипломатической службе в Германии. Намного пережив своих великих современников, он как поэт раскрылся во всей мощи своего дарования уже в России, в достаточно зрелом возрасте. Тютчев как бы вошел в новую литературную эпоху с уже сложившимися эстетическими позициями и принципами, оставшись в целом романтиком.

Основными темами тютчевской лирики являются природа, любовь, чувства человека, мир, его окружающий. Все стихотворения овеяны философскими раздумьями о вечном. Современный исследователь пишет: «…разглядеть и понять все богатство, всю глубину тютчевского творчества очень нелегко. Ибо поэт вложил, вместил свою творческую волю в предельно сжатые лирические образы. То, что у его великих соратников развертывалось в монументальные эпические и драматические полотна, Тютчев заключал в тесные границы лаконичных стихотворений, где каждая строка как бы несет в себе не меньшую смысловую нагрузку, чем глава романа или сцена драмы. И в самой этой предельной сжатости, сконцентрированности выразилась неповторимая самобытная природа тютчевского гения».

С чужой стороны. *Из Гейне*

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет.
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока…

Вопрос и задание

▶▶▶1. Вспомните стихотворение Лермонтова «На севере диком…», которое тоже является свободным переводом лирической миниатюры Гейне. Сопоставьте два стихотворения, принадлежащие Тютчеву и Лермонтову. Чем они близки друг другу и чем отличаются: по мысли, чувствам, вложенным поэтами, характером метафор, лексики и т. д.?

Как сладко дремлет сад темно-зеленый…

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит…

На мир земной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул…
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул…

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

Еще земли печален вид…

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебль колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась…

Душа, душа, спала и ты…
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь…
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

День и ночь

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь…
И бездна нам обнажена
Своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Эти бедные селенья…

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

Вопросы и задания

⏩1. Какие особенности изображения пейзажа вы смогли бы выделить, анализируя эти стихотворения?

2. Как влияет природа на настроения, мысли и чувства лирического героя? Какие художественные средства выбирает поэт, чтобы передать их в стихах?

⏩⏩1. Какой эмоциональный отклик вызывают у вас стихи Тютчева о природе?

Живым сочувствием привета…

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив.

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мелькнет,

И человеческим сознаньем
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!

Как он восторжен, умилен!
Пускай служить он не умеет, —
Боготворить умеет он!

Вопрос и задание

1. Сопоставьте стихотворение Тютчева с произведениями Пушкина «Поэт» и Лермонтова «Поэт».

2. Какие новые мотивы привносит Тютчев в осмысление личности и судьбы поэта?

Еще томлюсь тоской желаний…

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой…
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда…

Она сидела на полу…

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело…

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —

И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, судя по этому стихотворению, только ли в воспоминаниях поэта живет образ адресата этих стихов? Как выражено отношение автора к «милому образу»?

2. Стихотворение «Еще томлюсь тоской желаний…» посвящено памяти Элеоноры Тютчевой, жены поэта. Какие фразы и словосочетания характеризуют внутренний мир поэта, его переживания?

1. В чем вы видите эмоциональный смысл стихотворения «Она сидела на полу…»? Почему, по-вашему, поэт использует сравнение взгляда на письма со взглядом душ «на ими брошенное тело»? Какие еще эпитеты и метафоры особенно привлекли ваше внимание при чтении стихотворения и почему?

В разлуке есть высокое значенье…

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновение,
И рано ль, поздно ль пробуждение,
А должен наконец проснуться человек…

Умом Россию не понять…

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Нам не дано предугадать…

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать…

Вопрос и задание

▶▶▶1. Попытайтесь прокомментировать смысл философских миниатюр.

2. Какие фразы, заключенные в них, стали афористичными выражениями и нашли место в современном словоупотреблении?

notes

Примечания

1

Та́лия – муза комедии, Мельпоме́на – муза трагедии; обе – дочери Зевса и Мнемозины, богини памяти.

2

Возлю́бленная тишина – мир.

3

Клас – колос.

4

И зрак прекра́снее ра́я – вид, который приятнее райского.

5

Пла́менные зву́ки – звуки войны.

6

Внуши́ть – услышать.

Верьхи́ Парна́сски – поэты, художники, ученые.

8

Секва́на – Сена.

9

Невто́н – Ньютон.

10

Мурза́ – татарский вельможа; Державин употребляет это слово в переносном смысле.

11

Нало́й – здесь: высокий столик.

12

Кружи́ть в химе́рах – фантазировать.

13

Сва́йка – русская народная игра: сильным броском большой гвоздь вгоняется в мету.

14

Полка́н и Бова́ – персонажи средневековой рыцарской повести, а позднее сказки.

15

Мзда – взятки.

16

Очеса́ – очи, глаза.

17

Рифе́й – Уральские горы.

18

Мой милый (франц.).

19

Речь идет о чувстве А. С. Пушкина к Елизавете Ксаверьевне Воронцовой (1790–1880).

20

Имеется в виду остров Святой Елены, где с 1815 по 1821 годы находился в заключении и умер Наполеон.

21

Речь идет о великом английском поэте Дж. Г. Байроне, умершем в 1824 году в Греции, где он принимал участие в национально-освободительном движении греков.

22

Ана́фора – единоначатие, повтор слова или группы слов в начале нескольких стихов, строф, фраз.

23

Эпиграф взят из стихотворения Г. Р. Державина (1743–1816) «Евгению. Жизнь Званская».

24

Отъезжие поля – земли, по которым мчались всадники и собаки во время охоты («бешеной забавы»).

25

Арми́да – здесь: волшебница.

26

Серафи́м – один из высших ангельских чинов; изображался шестикрылым.

27

Пе́рсты – пальцы.

28

Зени́цы – глаза.

29

Глаго́л – слово, речь.

30

Бра́нный (устар.) – здесь: воюющий.

31

Фимиа́м – здесь: восторженная похвала, лесть.

32

Вечева́я – от слова «вече» – в Древней Руси собрание горожан для решения общественных дел, а также место такого собрания.